

Сергей
Богачёв

Последний приказ Нестора Махно

Сергей Богачев

Последний приказ Нестора Махно

«Алгоритм»

2018

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Богачев С. В.

Последний приказ Нестора Махно / С. В. Богачев — «Алгоритм»,
2018

ISBN 978-5-907028-22-7

Нестор Махно, дерзкий и бесстрашный командир, собравший под свои знамёна во время Гражданской войны 100-тысячную армию, успешно боролся с петлюровцами, белогвардейцами, австрийско-немецкими интервентами. Части Красной армии, в союзе с которыми атаман Махно не так давно воевал против Деникина, получают приказ вытеснить его с территории Украины. Остатки некогда мощной анархистской Повстанческой армии переправляются через Днестр на территорию Румынского королевства. Почему в течение многих лет спецслужбы СССР прилагали столько усилий для возвращения Нестора Махно в Советский Союз? Почему Иосиф Сталин считал это важнейшей задачей? Какая тайна скрывалась за всем этим? Чтобы завладеть всеми секретами атамана, органы НКВД арестовывают ближайшего соратника Нестора Махно – юзовского анархиста-коммуниста Льва Зиньковского-Задова – начальника Иностранного отдела НКВД по Одесской области... Известный автор Сергей Богачев расследует исторические загадки, связанные с делами легендарного Нестора Махно.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-907028-22-7

© Богачев С. В., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Одесса. 26 августа 1937 г.	6
Бахмутский уезд Екатеринославской губернии. Юзовка. 9 марта 1917 г.	9
Одесса. Улица Энгельса. Областное управление НКВД. 26 августа 1937 г.	11
Юзовка. 9 марта 1917 г.	12
Одесса. Улица Энгельса. Областное управление НКВД. 27 августа 1937 г.	14
Юзовка. 11 марта 1917 г.	16
Гуляйполе. 16 ноября 1918 г.	21
Одесса. 3 апреля 1919 г.	26
Одесса. Порт. 6 апреля 1919 г.	30
Одесса. 8 апреля 1919 г.	32
Одесса. Гостиница «Бристоль». 9 апреля 1919 г.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Богачев

Последний приказ Нестора Махно

Одесса. 26 августа 1937 г.

– Гражданин Зиньковский, сдать оружие! – раздалось из дверного проема. Дверь распахнулась резко, громко ударив ручкой о стену.

Обычно люди, посещавшие этот кабинет с плотно зашторенными окнами, всегда предвзвительно стучали, потом оправляли мундир и только затем проходили внутрь. Того требовали не правила приличия, но статус его хозяина.

В трехэтажном здании бывшего доходного дома¹ на улице Энгельса² в Одессе никогда не было шумно – ныне здесь располагалось областное управление Народного комиссариата внутренних дел. Стук каблучков заглушался коврами дорожками, добротные окна сглаживали звуки улицы и никогда сотрудники не вели никаких бесед в коридорах. Каждый следовал своему, четко определенному службой алгоритму передвижения от кабинета к кабинету, соблюдая режим доступа, секретности, приветствуя коллег и старших по званию согласно Уставу.

Визит конвоя к начальнику отдела внешней резидентуры Льву Николаевичу Зиньковскому ажиотажа среди его коллег не вызвал. Мало ли кто, куда и по каким вопросам следует, чужие здесь не ходят. Излишнее любопытство в этих стенах не приветствовалось и могло вызвать обоснованные подозрения. Ты обязан обладать информацией, относящейся исключительно к твоему фронту работы. Любой лишний взгляд, вопрос, неосторожно брошенная фраза могли стать фитилем для взрыва, который разрушит жизнь твою, твоих родственников, твоих близких людей. Настали непростые времена даже для самих чекистов.

«Гражданин... значит уже все решено», – пронеслось в голове у Льва Зиньковского.

Предчувствие надвигающейся беды не покидало его последние полгода. Провал всей резидентуры в Румынии, неумная и жестокая кадровая политика нового Народного комиссара внутренних дел СССР Николая Ежова, воцарившаяся атмосфера всеобщего недоверия и подозрительности сделали для Льва Зиньковского эти месяцы невыносимыми. Тяжелее всего было не подавать вида, особенно дома, чтобы в этой его личной крепости царили дальше покой, умиротворение и порядок.

– Табельное оружие в сейфе, – Зиньковский достал из внутреннего кармана пиджака ключ и с нескрываемым раздражением положил его на стол, хлопнув громадной ладонью так, будто играл в домино.

– Наградное? – капитан государственной безопасности Капичников несомненно готовился к этой своей миссии. Получив приказ на арест Зиньковского, он имел некоторое время, чтобы продумать свою линию поведения. Было понятно, что именно его послали в отдел внешней разведки преднамеренно. Отдать приказ на арест товарища, соседа по дому, с которым они дружили семьями – в этом было нечто изуверское, в стиле нового руководства.

– Капитан Капичников, а вы сами не припомните, где в моей квартире сейф для оружия, или подсказать? Там уже идет обыск? Ты ж, Серега, прекрасно знаешь, где оба наградных пистолета, – Зиньковский понимал, что его сосед исполняет приказ, но всё же в нем вызырала злость.

Реакции от капитана не последовало. Да, вчера они стучали костями в беседке. Да, его Зинаида заняла у Зиньковских стакан сахара. Что ж теперь, раз вскрылись такие обстоятель-

¹ Доходный дом – многоквартирный дом с квартирами для сдачи в аренду.

² Ныне – улица Марзливская.

ства... Руководство не ошибается. Оно может только предать, но не его это дело – разбираться, кто предатель, а кто нет. Есть приказ – нужно исполнять.

– Встать! Лицом к стене, руки за спину! Старшина, общите! – Капичников был лаконичен и суров. Меньше всего ему сейчас хотелось видеть глаза Льва Николаевича – специалиста по внешней разведке, русскому лото и домино.

– Чисто! – объявил старшина после тщательного прощупывания одежды задержанного.

– Следуйте за мной, – Капичников вышел в коридор первым и посмотрел по сторонам. Там было пусто – основная часть сотрудников уже отбыли домой. Это Зиньковский имел обыкновение задержаться на часок-другой, чтобы спокойно проанализировать итоги дня, поработать с документами и составить план на завтра.

Стенографистка секретной части Лёля Ковалёва вышла из кабинета, опломбировала дверь и, держа под правым локтем синюю папку с шифровками, быстрым шагом направилась к начальнику отдела. Уже не терпелось домой – там мама наготовила вкусностей по поводу юбилея деда Сёмы. Повернув за угол коридора, она обнаружила перед собой Льва Николаевича, стоящего лицом к стене возле собственного кабинета. Старшина старательно наносил на дверь клей, чтобы опечатать помещение, а красноречивый взгляд Капичникова не требовал пояснений. Лёля прошла мимо, опустив взгляд в пол, будто ничего необычного не произошло, но лицо ее покрылось пунцовыми пятнами, к горлу подкатил комок. Предательски стали дрожать колени, уверенный шаг изображать было невероятно тяжело – на прошлой неделе арестовали почти весь отдел этажом выше, а началось точно так – с руководителя.

– Вперед! – скомандовал старшина конвойной роты и подтолкнул Зиньковского в направлении лестницы. Дорогу тому показывать было не нужно.

Путь в подвал начотдел нашел бы и ночью наощупь. Это была часть его работы – допрос задержанных, вербовка с использованием устрашения и давления. Мало кому удавалось сохранить душевное равновесие, когда двухметрового роста, бритый налысо Лёва, пригибая голову, входил в пропахшую сыростью камеру для допросов и вешал пиджак на стул, закатывая рукава сорочки. Нет, он никогда сам не бил, да и в этом не было необходимости, для этого имелись специалисты. Лев Николаевич всего лишь не хотел испачкать рукава, которые с такой любовью вручную стирала его любимая супруга Верочка.

Как правило, его улыбка «с подвохом» служила главным аргументом и доводом. С самым дружеским выражением лица Лёва детально и в красках описывал далеко не самые радужные перспективы задержанного в случае отказа от сотрудничества. Конечно, это могло показаться кому-то примитивным, но все-таки большая часть городских и приграничных осведомителей в результате этих профилактических бесед таки посчитали возможным делиться новостями. А что было ожидать от выдавшего виды контрабандиста или ушлого марвихера³? Эти люди понимают и принимают исключительно силу. Пусть даже это сила духа.

Дежурный изумленно-вопросительным взглядом встретил конвой, но вовремя одумался и сделал каменное лицо, тут же стал шарить по карманам, потом зазвенел связкой ключей и открыл решетку, ведущую в коридор внутренней тюрьмы.

Сидеть «по ту» сторону стола было категорически непривычно. Маленький, прикрученный к полу табурет с заниженными ножками, помогал следователю смотреть на своего «клиента» свысока, но в случае с начотдела внешней разведки это не работало.

– Год и место рождения? – следователь НКВД Яков Шаев-Шнайдер направил ему в лицо лампу. Всё как положено, чтобы расположить подследственного к откровенной беседе.

– Яша, я тебя умоляю... Давай без этих формальностей. Лупи сразу – шо вы там придумали?

³ Марвихер – вор.

– Гражданин Зиньковский, в вашем деле формальности блюсти – так это главное дело. Имеем пару вопросов, Лёва. Так что давай, без этих твоих штучек. Я записываю.

– Колония Весёлая, Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. 11 апреля 1893 года. Сорок четыре полных года.

– Национальность?

– Яша, я иногда удивляюсь твоей непосредственности. Еврей. Для тебя это новости?

Штаны снять? Померяемся?

Следователь продолжал невозмутимо записывать в протокол слова задержанного.

– Где проживали в дальнейшем?

– Юзовка. Семь лет от роду мне было, когда перебрались.

Бахмутский уезд Екатеринославской губернии. Юзовка. 9 марта 1917 г.

Этот запах ни с чем не перепутать. Так пахнет металлургический завод. Ветер с юга понес рыжий доменный дым на центр.

Сейчас катали⁴ толкают, каждый перед собой, свою тяжеленную, тридцатипудовую «козу»⁵ к гудящей домне. Жар от нее невыносим, особенно летом. Февраль для катальщика – рай. Сколько раз Лёва туда поднимался с рудой – не счесть. На его глазах катальщики горели, падали вниз, срывались тележки, да чего только не было за годы работы на заводе. Только исключительная физическая сила и отсутствие страха помогли ему миновать эту участь.

Битюги, запряженные в повозки, идущие ему навстречу по первой линии на Сенной базар, звенели подковами, высекали искры о мостовую, фыркали и крутили головами, будто отбиваясь от невидимых людскому взору духов. Отец как-то рассказывал малому Лёвке, что настоящих воронежских битюгов уж и не сыскать, извелась порода. Их кони, Фенчик и Бенчик, были единственным богатством в семье – с их помощью отец смог прокормить большую семью в тяжелые времена, когда они перебрались в Юзовку из маленькой еврейской колонии Веселой. Юдель Зодов жаловался сыну, что не сыскать теперь ни на рынке, ни в конюшнях правильных битюгов, и своих потому беречь нужно. Сначала их накормить, да напоить, а что останется – на себя тратить.

Урок этот Лёвка запомнил на всю оставшуюся жизнь и потому коней любил больше людей. Они ведь ему взаимностью отвечали. Подставит конь голову, глазами своими громадными посмотрит из-под ресниц и дышит так, чтобы не напугать... А он гладил его по холке, по шее, ощущая под ладонью силу упругих мышц. Милей всего было Лёвке отпроситься у отца в ночное и уйти на луга, где пахнет травой и свободой, не думать ни о чем – только поле, он и кони. То было его детство. Таким было его счастье.

А потом отец умер. Тихо. Во сне. Не выдержало сердце здоровяка Юделя. И с этой бедой детство закончилось. Мама Ева – так звали в семье Хаву Вениаминовну, выплакала все слёзы, а потом собрала детей и сказала, что всё равно будем жить. И вместе выживем, ведь нас много. Больше всего мать не могла себе простить, что Юдель ушел первым. Он и так на семь лет младше её. Получается, и не пожил толком – до пятидесяти не дотянул. Всё корила себя Ева, что недосмотрела, недолюбила, не уберегла...

Лёва шёл домой. Он оглядывался по сторонам, вчитываясь в новые вывески лавок и заведений. За три с лишним года, которые Задову пришлось коротать в тюрьме, Юзовка изменилась – появились новые, добротные дома, множество заведений и лавок. Как-то иначе стали одеваться люди, оборванцев было почти не видеть. Экипажей на Первой линии стало несравнимо больше, их пассажиры существенно отличались гардеробом от тех, кто ходил пешком.

Дойдя до торговой площади, Лёва поборол в себе соблазн свернуть вправо, в сторону Покровского собора. Там кипела жизнь, шла бойкая торговля, сновали люди, но он же еще не был дома...

Напротив шляпной мастерской Хургеля Лёва повернул налево и, перекинув котомку с одного плеча на другое, ускорил шаг. Большой проспект⁶ вывел его на Мушкетовский и уже вот он, дом: третий от проспекта по Одиннадцатой линии⁷.

⁴ Каталь – рабочий, подававший шихту в домну.

⁵ Коза – тележка с рудой.

⁶ Большой проспект – проспект Лагутенко.

⁷ Одиннадцатая линия – улица Флеровского.

– Здрасьте... здрастьте... – Лёва узнавал лица некоторых встречных и те ему тоже в ответ улыбались – к вечеру весть о том, что анархист Лёвка вернулся домой, быстро разлетелась по дворам. Шутка ли, главного юзовского экспроприатора отпустили!

Тропинка в сером от заводской копоти снегу шириной ровно в лопату привела Лёву Задова к родной калитке. Через штакетник он приметил в окне сторбившуюся женскую фигуру в свете керосиновой лампы – мама как обычно штопала вещи. Старая шелковица нависала над воротами, потрескивая на резком февральском ветру обледеневшими ветками, а за оградой разрывалась лаем собака.

– Тихо, тихо, дурачок... Свои, – Лёва рукой дотянулся до крючка калитки, закрепленного с обратной стороны, и та со скрипом отворилась внутрь.

Беспородная псина, прозванная за свой скандальный нрав Боцманом, жалобно заскулила, почуяв забытый запах родного человека. На сколько хватало цепи, Боцман выскочил из будки и, виляя хвостом, пытался дотянуться до Лёвиной руки.

– Узнал, стервец, узнал... – пёс несколько раз поскользнулся на льду, но все равно остервенело продолжал грести лапами, преодолевая натяжение цепочки. Та под его напором лопнула, и Боцман тут же запрыгнул на гостя.

– Ух, здоровый какой стал! – Лёва под напором собаки сделал пару шагов назад и завалился спиной в твердый, слежавшийся сугроб. В таком виде его и застала мама, держащая швабру в руке.

– Кто там? – на дворе уже стемнело, непрошенных гостей здесь опасались.

Завидев человека, борющегося с собакой, мама громко крикнула:

– Уйди, окаянный! Боцман! Уйди!

Швабра лупанула Лёву прямо по голове, от чего только что искры из его глаз не посыпались.

– О, так вы, мама, героического революционера встречаете! – раздалось из сугроба.

Женщина в переднике схватилась за голову, услышав родной голос:

– Лёвушка?! Ты, сынок? А что ж это за тулуп, а зачем тебе эта шапка бандитская? Лёвушка, ой, как же так! – мама схватилась за голову.

– Мама, не колотитесь, мама! – Лёва вскочил со снега и обнял самую любимую женщину в мире. А в это время из окна исчезли несколько детских лиц, которые тут же появились в дверях.

– Лёва! Лёва! – все детвора выскочила во двор и повисла у него на руках.

– Ой, вэй! Сколько вас, я отвык, мои любимые, отвык... – на лице Лёвы появились мелкие капельки. То ли слёзы, то ли над Юзовкой пролилась зимняя дождевая туча...

Одесса. Улица Энгельса. Областное управление НКВД. 26 августа 1937 г.

«Чертов табурет», – начотдела в наручниках за спиной никак не мог найти удобное для себя положение.

Следователь записывал что-то в протокол, выдерживая паузу. Вчера они здоровались, отдавали честь при встрече, смеялись вместе над свежим анекдотом, а сегодня сидели по разные стороны стола.

Старший майор Шнайдер по этому поводу угрызениями совести не страдал, уж больно люто его раздражал Лев Николаич. Ну что он по любому поводу улыбается? Вот и сейчас: уже в подвале сидит, в кабинете, где сам допрашивал, а всё равно – какая-то дьявольская улыбка, смотрит в пол и улыбается. Где Зиньковского ни встретишь – он доволен жизнью. На оперативке всем насыпают по самое не горюй, ему наплевать – всех переловил, цифры свел, ему благодарность. Как новый год – так его отдел в докладе начупра звучит. Всё здание знает, где кофе румынский – на втором этаже у Зиньковского. И всем он улыбается. И всё ему сходит с рук. Ну ничего, очень скоро забудет, как зубы скалить. Всё. Ушла его карта... Ушла...

– Гражданин Зиньковский, меня интересуют подробности вашей биографии. Трудовой путь, можно так сказать, «от» и «до», – Шнайдер поправил круглые очки, которые постоянно сползали с его мясистого носа из-за повышенной потливости.

– Яша. Ты мне поверь. Просто поверь. – Зиньковский не отрывал взгляда от пола, будто он там увидел какую-то крысу, и сейчас его самым большим желанием было её раздавить. – Вся моя биография – это борьба с такими поцами, как ты. Умный вид в аптеке не купишь, Яша. Его надо заслужить. Что ты вот на меня пялишься? Пялься вправо. Там в папке мое личное дело лежит. Или не изучил? Так торопился ухватить дело, что не подготовился, а теперь вот вопросы дураковатые задаёшь. Не чуди, Яша. Я ж тебя не тому учил.

– Дело делом, а жизнь теперь тебе, Лев Николаевич, заново прожить придется. Вместе со мной и протоколом. Во всех деталях и красках.

– Разрешите? – в камеру вошел лейтенант с бумагой в руке.

Шнайдер вопросительно взглянул на визитера.

– Протокол обыска по домашнему адресу! – доложил молодой офицер, и, получив разрешение, удалился.

– Тээкс... Что тут у нас? – следователь тщательно принялся перечитывать протокол. – Ну да, да... Маузер на месте. Альбомы с фотографиями, кольцо – семейная реликвия, книжка... «Нестор Махно»... Все никак не расстанетесь с ностальгией по юности, гражданин Зиньковский?

Зиньковский, не имея возможности приложить руки к горлу своего ненавистного коллеги, оттолкнулся от пола и в прыжке, свалив плечом лампу, ударил того в грудь головой. Шнайдер от неожиданности завалился назад и со всего маху ударился затылком об пол.

– С-суки, какие же вы суки... Какое отношение вы имеете к этим вещам, – рычал начотдела, лежа на столе и пытаясь скинуть с себя двух сержантов, прибежавших на шум.

Старший майор Шнайдер, поднявшись с пола, вымакал платком кровь с затылка и, наклонившись над Зиньковским, прошипел:

– Вот зря ты так, Лев Николаевич, зря... О семье не думаешь... а говорил, что семья для тебя самая большая ценность, больше чем партия... Думаешь, я тот разговор в курилке на новый год забыл? Нет, Лёва... Я тебе все вспомню...

Юзовка. 9 марта 1917 г.

– Как тебя арестовали, Лёвушка, так чего мы только не наслушались!

Мама хлопотала на кухне, доставая из кадки квашеную капусту, и говорила, не умолкая.

– Городовой Потапов приходил каждую неделю и страдал – всё, мол, бандит ваш Лёвка, каких свет не видывал. Ой, вэй! Говорил, анархисты – это чума, коммунисты – эти ещё хуже, а ваш так вообще – анархический коммунист. Последний раз, когда я его тряпками погнала, так клялся, что мы тебя больше никогда не увидим. Гореть этому Потапову в аду, но, Лёвочка, ты же был хорошим мальчиком, как же тебя так угораздило?

Лёва с удовольствием жевал картошку в мундире, окуная её в блюдец с домашним, пахучим маслом, на дне которой осела обильно перед этим присыпанная соль.

Семья сидела за столом, едва уместаясь на лавках. Дети радостно переглядывались, шушукались и хихикали, толкая друг друга локтями. Конечно, маме Еве было бы радостней, если бы пришлось у соседней лавки просить или сундук придвинуть к столу, чтобы все поместились, но судьба так распорядилась – отец не с ними, старшие уже своими семьями обзавелись и уехали. Всему свое время.

– Мама, вы такие вещи спрашиваете, шо я прям назад на три года мозгами вернулся. Уже и неважно, как я там оказался, уже важно, что я здесь. Цивочка, какая ты прелесть стала! – Лёва подвинул к самой младшей сестре миску с курицей, срочно купленной в мясной лавке Голдина и приготовленной по рецепту, известному только маме и еще паре её товарок.

– Лёвка, ты бы еще на столько же застрял, так на её свадьбу, может, и поспел бы, – Даня, самый младший из мальчиков семьи Задовых, обожал Лёву больше всех остальных, но при этом постоянно с ним спорил, острил, говорил всякие колкости.

Тут же мамин подзатыльник поставил юношу на место:

– Что за обормот растёт, я не знаю, Лёва! Ты как со старшим братом разговариваешь? Ой, нет управы на вас, уже оглоблю не подниму, а погоняла бы по двору, ой погоняла бы!

– Мама, да не лупите его по голове! Там же ум. Мальчик интересуется, правильно делает...

Лёва наслаждался ролью главного мужчины в семье в отсутствие старших братьев.

– Я тебе честно скажу, Даня... Я там, на каторге, с очень приличными людьми познакомился. Мне с ними до двадцать первого года дружить светило. Ну, так вышло, что революция стала. Ты видишь, братик, какая случилась высшая социальная справедливость. Нас всех выпустили. А на Цивиной свадьбе – так гульнем, конечно, чего же нет...

– Лёвка, а ты смертников видел? – Даня, прожевывая картошку, не унимался в своем интересе.

– Кого? – рассмеялся Лёва.

– Ну тех, которые там бомбисты или царубийцы. Их же к смерти приговаривают?

– Ты, братка, зачем интересуешься? – лицо Лёвы на мгновение стало серьезным, а тон – железным, но Даню это нисколько не смутило.

– Лёвчик, ты видал смертников или нет? Мы с пацанами заспорили. Я говорю, они в полосатом ходят, и мишени у них на спине, чтобы попасть было легче, когда побегут.

– От где ты этого всего набрался? Бомбисты, мишени... Ты хедер⁸ закончил?

– Вот, вот! Спроси! Спроси этого оборванца! С горем пополам закончил! – мама Ева громко продолжила воспитательный процесс, отлучившись на кухню. Как всякая правильная мама, она даже оттуда слышала все звуки в доме и держала все и всех под контролем. – Спроси

⁸ Хедер – начальная еврейская религиозная школа.

у него еще, где он целыми днями шляется и почему не помогает? Лёвочка, сколько годков тебе было, когда ты уже на мельнице мешки таскал?

– Семнадцать, мама! – громко ответил Лёва, чтобы мама Ева его услышала. – Дане можно уже! Ты шо кровь мамину пьешь стаканами? – последняя фраза была адресована младшему брату и сказана была гораздо тише.

Даня, склонившись поближе к Лёве, прошептал доверительно, будто они только вчера расстались:

– Я тут почту присмотрел... Осталось бомбы достать.

Ошарашенный таким откровением Лёва потерял дар речи.

– Мама! Даня курит? – опять громко спросил он Еву.

– Конечно, этот босяк курит! И где деньги берет – так я только придумывать могу! Прошу небеса, чтобы городской не появился, я еще одного раза не вынесу!

– Пошли во двор, закурим. Любой план надо обкурить, обмыслить...

Даня профессионально навинтил две самокрутки – одну себе, одну старшему брату.

– Табачок заморский. В бакалее Тимановского появился, но он не афиширует. Только для своих, – эффектным движением Даня зажег спичку и дал прикурить старшему брату.

– Ничё так... – затянувшись и выпустив плотную струю дыма, Лёва оценил качество табака.

– Ну так фирма! – Даня сделал ударение на последний слог и тут же взвыл от боли – Лёва чуть не оторвал его от земли, потянув вверх за ухо так, что оно больно хрустнуло.

– Я тебе, налетчик, не только ухо, я твою радость между ног оторву! – Лёва продолжал держать брата за ухо, а тот, чтобы было не так больно, привстал на цыпочки.

– Лёва! Я же живой ещё! Мне же больно, Лёвчик! – Даня не ожидал такого поворота событий и старался орать негромко, чтобы не опозориться перед мамой.

– Идиот! – Лёва отпустил братское ухо и, как ни в чем не бывало, продолжил со вкусом курить заморский табак. – Какая почта? Ты видел, сколько банков на первой линии? Ты думаешь, деньги до сих пор почтовыми каретами таскают? Ты дурень настоящий или так, придуриваешься? Шо за мысли у тебя в голове, Даня? Одного каторжанина в семье хватит!

– Ты, когда кассу на вокзале в Дебальцево брал, сильно за каторгу думал? – парировал Даня.

– Я не брал, я экспроприировал!

– Вооот... Значит борьба идеологическая, идея – революционная. И всё равно тебя поймали. Я сделаю лучше.

Лёва с трудом поборол в себе желание вмазать оплеуху строптивому юнцу.

– Ты мать что, одну собираешься оставить с сестрами? Это совсем не дело.

Даня докурил самокрутку и затушил её о каблук сапога.

– Одну? А ты куда собрался? Или так, на денёк заскочил? Я тобой гордился, Лёва, когда ты в тюрьму попал. Ты знаешь, что девахи шептали мне вслед? Это брат того самого Лёвки с одиннадцатой линии! Того самого, понимаешь? И как ты хочешь, брат? Я же должен быть не хуже, я же должен соответствовать! И тебе, и революционному моменту.

– Давай еще крути... – Лёва поёжился от холода, снял с плеч накиннутую шинель и одел её как положено.

– Вот, то-то... И это... прекращай уши рвать, ломаешь. Мне особые приметы ни к чему, – Даня удалился за газетой и табаком.

Одесса. Улица Энгельса. Областное управление НКВД. 27 августа 1937 г.

«Вот так сразу – из князей в грязи...» – возможно, если бы не разбитые губы, Лев Зиньковский произнес бы это вслух, но десна кровоточили, зуб шатался, и не было никакого желания шевелить челюстями.

С кем тут разговаривать? С крысами, которые ночью придут? Чёртов начхоз. Говорят, так и не вывел их. С собой разговаривать рано ещё, не на дурке же, а в почтенном заведении.

Тусклая лампочка под самым потолком освещала одиночную камеру, стены которой были покрыты цементной шубой, выкрашенной тёмно-зеленой краской до уровня груди. Такой же ядрёный зеленый цвет имели койка, цепью пристегнутая к стене одним своим краем и дверь с довольно большим, зарешеченным окошком посередине.

Кто придумал эту кушетку? Лёва отстегнул её от стенки и попытался прилечь. Болело все нестерпимо. Яша таки отыгрался, гадёныш...

«Матрас в нашем доходном доме выдают только постоянным клиентам?» – такая мысль посетила начотдела, когда он пытался взгромоздиться на это подобие кровати. С его ростом больше двух метров расположиться так, чтобы получилось заснуть, было невозможно.

Который сейчас час? Ночь? Окна нет. Часы забрали. Ну, если представить себе, что без сознания долго пробыть не мог, то примерно утро. Раннее утро. Наверху сейчас августовский теплый ветер с моря. Жена наверняка с ума сходит.

А Вера в это время даже уже не плакала. Она сидела на стуле посреди комнаты, под раскидистым плафоном с рюшами, излучающим теплый электрический свет. Необходимости в нём не было – солнце подкрадывалось с востока, посылая впереди себя рассеянный свет, чтобы предупредить о своем скором появлении и сквозь открытое окно первые проснувшиеся воробы приветствовали его восход. Метла Палыча, их местного дворника, зашуршала о мостовую. Застучали подковами кони водовозов, Одесса оживала после душной августовской ночи.

Дети спали, измученные событиями последних суток.

Люди в фуражках с синими околышами нагрянули неожиданно, посреди дня, в самую жару. Обычно такие мероприятия происходили ночью, когда все жители служебного квартала на улице Жуковского, что в паре кварталов от областного управления на Энгельса, находились дома. В этот раз получилось иначе, и весть об обыске в семнадцатой квартире, где жили Зиньковские, разнеслась по соседям в течение нескольких минут.

Соседи, аккуратно отодвигая занавески, поглядывали в их окна, а потом провожали взглядом сотрудников, выносивших к машине изъятые в ходе обыска вещи.

Бабушка, тихонько причитая себе под нос, пыталась навести порядок в доме – все шкафы были вывернуты наизнанку, книги валялись на полу, рядом с полками комода. «Ой, горюшко, горе...» – шептала старуха так, чтобы дочь не услышала. Ей жалость сейчас не нужна. Ей собраться нужно. Наверняка – это последние дни в этой квартире. Если Лёвушка арестован, то служебное жильё непременно отберут, да и на работе неприятности начнутся. Это точно. Так всегда бывало – когда отца арестовывали, жизнь всей семьи обсыпалась, как штукатурка с потолка старого дома при малейшей встряске.

– Верочка, на, попей воды... – бабушка поднесла стакан.

– Я не хочу, мама... Не думала, что это случится. И что может быть так, представить себе не могла... Лёвушка, уважаемый человек, офицер, а они с нами как с врагами народа. Ты видела, с каким остервенением шкаф потрошили? По вещам в сапогах ходили... А эти фотокарточки с видами? Зачем они им? А фотоаппарат Вадькин? Это что, граната? Мама,

объясните мне, что такого в этом несчастном фотоаппарате? Ну ладно, пистолет наградной забрали, но фотокамера, она что, шпионская? У нас даже фотопластинок в доме нет.

Старуха поднимала вещи с пола по одной, аккуратно складывала, так, как это умеют делать только бабушки – медленно, с любовью к каждой вещи. Так, чтобы ни одна складочка не помяла одежду любимых внуков.

– Верочка, время такое, видишь... Нет у них ничего святого. Своих бьют, чтобы чужие боялись. То ли дело в наше время офицеры были: погоны, манеры, образование, честь. А эти... Шаромыги...

– Мама, а ты ничего лишнего во дворе не говорила? Может, с кем-то обмолвилась, как сейчас про офицеров?

– Что ты, дочура, что ты... Я хоть и не так свежо выгляжу, как ночная камбала с Привоза, но из ума я не ещё выжила. Не во мне дело, не во мне... Тогда меня бы забрали, ведьму брехливую, а Лёва же не вернулся с работы.

– А может, операция какая? Может, на границу уехал? Телефон в кабинете не поднимает... – жена начотдела Зиньковского всё же искала для себя какие-то положительные варианты развития событий.

– Верочка... Ну что ты, право... Теперь так не бывает. Вспомни, на прошлой неделе Костюковского взяли. Тоже на работе. Так Фаина скандал учинила при обыске и что? Помогло? «Это квартира старшего майора! Вы не имеете права!» – и где теперь тот майор, и где это самое право? И Фая пропала. Всё они имеют, кроме совести! Безбожники проклятые...

– Мама, тише, прошу тебя... – Вера, несмотря на всю свою усталость и опустошенность, пыталась сохранять здравость мысли.

– Вера! Всё закончилось, ты не поняла? – в голосе матери появились жесткие нотки. – Лёва когда-нибудь исчезал без звонка? Нет. Никогда. Прощаемся со спокойной жизнью, доча... Прощаемся. Лучше уже не будет. Пожили как люди – и хватит. Господь решил испытать нас на крепость.

– Так... У нас хоть деньги остались? Обещала Вадьке штаны новые к школе справиться... – Вера решительно встала и поправила передник, будто сиюминутно собиралась предпринять какие-то решительные действия.

– А как же... – бабушка залезла рукой под халат и достала из сокровенного места пачку купюр – все семейные сбережения. Жизненный опыт подсказал ей, что после такого настойчивого звонка в дверь нужно припрятать на чёрный день.

– Мама, мама... Ты как всегда, тыл прикрываешь... – Вера обняла старушку и опять разрыдалась в полную силу...

Юзовка. 11 марта 1917 г.

– Эх, ты немного опоздал, Лёвка! – Петька не поспевал за широким шагом своего двухметрового знакомого, поэтому часто семенял, чтобы видеть его лицо хотя бы сбоку.

– Да куда там! Самое варево начинается! Самое время огня добавить! – Лёва ответил громко, с задором махнув в воздухе своим кулаком, лишь самую малость уступавшим в размерах кувалде. Некоторые из прохожих даже обернулись – на улицах Юзовки последние недели происходило столько необычного, что любой громкий звук или скопление людей вызывали тревожное любопытство.

– Представь себе – вот прямо здесь, по Первой линии⁹ молча идут люди, туда идут, – Петька продолжал размахивать руками, иллюстрируя события, в которых ему довелось участвовать. – И по Второй линии¹⁰ тоже идут, крестьяне на подводах едут! Мимо собора Преображенского¹¹ идут к проходной, и молчат, представь! Мужики с рудников, какие-то пацаны в кепках, народу – я столько не видал никогда.

– Это ты про митинг, что ли? – заинтересованно спросил Лёва. О массовом собрании рабочего люда и жителей юзовских окрестностей в прокатном цехе металлургического завода он слышал от брата Даньки в день своего приезда.

Его, Лёвкино местечко, что выросло вокруг металлургического завода, его Юзовку, было этой весной не узнать. Все революционные волнения начала века не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило в марте семнадцатого года.

В 1905-м Лёвке было-то всего двенадцать лет отроду. Что он мог тогда понять? Всё, что запомнил, – солдат с ружьями, стрельбу, да то, что отец прямо извелся весь – ребе просил быть внимательными, смотреть за ситуацией на улицах, чтобы не пропустить опасность. В памяти еврейской общины крепко засели события холерного бунта¹², когда гнев толпы, возмущенной тем, что от болезни гибнут только русские, очень быстро перекинулся на торговую площадь и заведения. Все пострадали, и Давлицаров, и Дронов, но наибольший ущерб понесли иудеи. Пылали лавки с товаром, дома, синагога.

Напряжение витало в воздухе и сейчас. С одной стороны – всеобщее приподнятое настроение в ожидании чего-то нового, справедливого и честного. С другой – все держали в уме план на случай начала погромов, тем более что куда-то неожиданно подевались все городовые. Их заменили люди с бантами на лацканах.

Весть о том, что Николай II отрекся от престола, прилетела по телеграфным проводам в Юзовку мгновенно, в тот же день, 2 марта¹³. А на следующий день, 3 марта, пришли в движение какие-то неведомые силы, заставившие людей выйти на улицы. Кто знал слова – пел «Марсельезу», кто не знал – просто улыбался с ошалевшим видом и вторил мотиву. Некоторые, самые отчаянные торговки, всё же продолжали стоять с товаром на рыночной площади, остальные либо присоединились к толпе в качестве любопытствующих, либо ретировались, ведомые своей коммерческой интуицией – сегодня базара не будет.

Неведомо откуда на базарной площади появились листовки с текстом манифеста царя об отречении от престола, отпечатанные на серой бумаге. Их передавали из рук в руки. Если кто умел читать – делал это вслух и рядом моментально собирались слушатели.

⁹ Первая линия – ул. Артема в г. Донецке.

¹⁰ Вторая линия – ул. Кобозева в г. Донецке.

¹¹ Свято-Преображенский собор располагался вдоль Первой линии, за нынешним зданием бывшего кинотеатра «Комсомолец», ул. Артема, 36-а.

¹² Холерный бунт произошел в Юзовке в 1892 г.

¹³ По старому стилю. По новому стилю – 15 марта.

«А как жыж теперича?» – вопрошали те, кто постарше. «А как! Да никак! Каком кверху!» – острили уличные скалозубы. «Да хочь бы ужо с войной этой проклятущей што порешали...» – причитали замотанные в теплые платки женщины. «И кто теперь будет? Как же без царя-батюшки-то?» – раздавались редкие робкие голоса владельцев каракулевых воротников, чаще – шепотом. «Временное правительство, говорите... Ну – ну...» – скептически рассуждали те, кто были одеты получше.

Все эти события, происходившие дома, Задов не застал. Известие о Февральской революции пришло к нему с сокамерниками только шестого числа вечером вместе с надзирателем, гремевшим связкой ключей в замке двери их камеры. «Во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе, объявляется общая политическая амнистия...» – чиновник командным голосом зачитал Указ Временного правительства и затем, уже гораздо тише, продолжил: «На выход, господа...»

Господа. Теперь они, вчерашние заключённые, величаются из уст ненавистных жандармов господами. На воле что-то определенно поменялось, и Льву Задову предстояло максимально быстро в этом разобраться – его энергичная натура не терпела никаких недомолвок и двусмысленности. Нужны деньги на оружие – берем кассу, нужны деньги на подкуп полиции – громим артельщика, кто-то не согласен делиться – нет времени пояснять – получи своё, и хорошо, если просто по лицу. Экспроприатор Лёвка предпочитал не цацкаться, а действовать. Вот и сейчас, посреди всего этого бедлама, он двигался к намеченной цели в компании своего, такого же заводного, знакомого – Петьки Сидорова-Шестеркина.

– И вот собрались все в прокатном, и там этот самый Борис залез повыше и речь толкнул. Ну, большевик, не иначе! Орал так, шо в дальних углах было слышно. Актёры тише разговаривают! – Пётр рассказывал эмоционально и сбивчиво, будто заново переживая эмоциональный подъем, постигший его на том митинге.

– А ты с артистами знался? Или может, с артисточками водишься? Откуда знаешь, как они орут? – рассмеялся Лёвка.

– Тьфу на тебя, дурень рыжий! Летом в Городском саду представления давали, я тогда еще заметил – ничего себе голосищи у них! Вроде даже если и шепчет – так всё равно громче, чем матушка на батьку ругается. Так я ж тебе главное не сказал – он же твоей веры, Лёвка. Он из ваших, точно тебе говорю!

– Та ты шо! Откуда прослышал?

– А народ гутарил. Еще там один сказанул так, мол, жид будет выступать... – Петька наткнулся на колючий Лёвкин взгляд. – Та спокойно, Лёва! Это ж не я, это тот селянин! А другой, который рядом стоял, ему и заряжает – хоть жид, да наш, понял?

– А фамилию не запомнил?

– Кошерович. Борис Кошерович¹⁴.

– Ага... договоримся, значит...

Сапожная мастерская, где Кошерович тачал подошвы, находилась на Второй линии, в доме номер 40. Пётр довольно быстро выяснил у заводчан, кем был тот заводной оратор с митинга. Друзья рассказали ему, что этот Кошерович – человек в местечке новый, но большевикам хорошо известный, он у них в главных здесь ходит. Поговаривали, что он сапожником в Новороссийском обществе устроился, но мастерскую посоветовали искать за Собором.

– И шо ты ему скажешь? – Петька всё не успокаивался, терзаемый любопытством.

Лёва на несколько секунд задумался, поправил шапку и развел руками:

¹⁴ Под псевдонимом «Борис Кошерович» в течение марта – апреля 1917 г. в Юзовке находился Лазарь Каганович – будущий соратник Сталина, народный комиссар, министр, Первый секретарь ЦК КП(б) Украины.

– Да что скажу... Раз он такой заводной, пусть рассказывает, как жить дальше будем. Они ж совет рабочих надумали собирать? Так мы тоже рабочие, чего там стесняться... Как к Кропоткину относятся, например? Мы ж ничего о них, об этих большевиках толком и не знаем.

– Как не знаем? Очень даже знаем. Вон, на заводе они на первых ролях, о равенстве говорят, хозяев прижимают. Вроде нормальный люд...

– Не, Петруха... Мне ясность нужна. То, что они тоже экзами промышляли, так это я ещё на каторге прослышал, но на том наше сходство заканчивается. Мы с тобой за полную свободу, а они?

– Так от и я ж говорю – свобода нужна полная, чтоб каждый определился, чего от жизни хочет и чтоб никто не мешал. Хочешь – на земле работай, хочешь – уголь руби. Везде своих поставить в начальство, пусть уголь на пшеницу меняют, ну, это упрощенно так... – Пётр любил углубиться в теорию анархической идеи. Ему очень нравилось, что мало кто вокруг мог с ним спорить – достаточно было одного слова – «свобода». Оно производило магическое действие на любого собеседника. Никаких обязательств, это мечта любого человека.

– Вот и определимся в теории, а потом и в практике. Совет – он на то и выборный, чтобы свободу дать. Собираюсь в нём участвовать.

– О, ты дал, Лёвка! – Пётр с восхищением посмотрел на здоровяка Задова. – Ну, а хотя... чего и нет? Мы что, рыжие? – тут же старые знакомые рассмеялись, а Задов снял шапку и провел рукой по коротко стриженным рыжим волосам.

Над поселком опускались сумерки, ещё более быстрые от того, что Юзовка была скрыта от заходящего на западе солнца тяжелыми, низкими тучами. В некоторых окнах домов виднелся тусклый, рассеянный свет керосиновых ламп. Кое-где тени обитателей квартир на Второй линии, увеличенные как через лупу, двигались по стенам и потолку, а прохожие, поднявшие воротники для защиты от пронизывающего холодного ветра, с завистью поглядывали в их сторону.

– О! Вон там! – Пётр показал рукой на старую, испачканную заводской сажей вывеску с надписью «Сапожная мастерская». Под ней несколько ступеней вели в полуподвальное помещение, где перед дверью было совсем уж темно.

– Чёрт! – выругался Лёва, поскользнувшись на второй ступени. Он с шумом скатился вниз, упершись ногой в дверь. – И не капли же не пил, а мама не поверит... – Лёва принялся отряхивать от грязи шинель.

– Тихо... Там буза какая-то... – Петька насторожился, услышав за дверью крик женщины. Потом раздался грохот мебели и явные звуки борьбы.

– Та шо тихо... – Лёвка поправил свою казацкую папаху военного образца без кокарды, купленную вчера на барахолке, и решительно взялся за дверную ручку.

– А тута занято! – промолвило лицо без двух передних зубов, обладатель которого приходился Лёвке по плечу.

– А мы занимали! – Задов с размаху отпустил преграждавшему дорогу босяку затрещину такой силы, что тот через секунду полета очутился в углу и, ударившись о стену затылком, застыл в странной, неестественной позе.

Сапожная мастерская Кошеровича напоминала поле боя: на месте оставался только массивный стол, прикрученный к полу, но на нем растекался из перевернутой банки вонючий сапожный клей. Слева от трубы печи, за грязной занавеской из плотной ткани, явно слышалась какая-то возня. Появление громилы в шинели в подсобном помещении стало неожиданностью для всех там присутствующих: барышня в платье из ткани в белый горох отпрянула к окну, наполовину занавешенному какой-то подходящей по размеру тряпкой, и завизжала, прикрывая лицо руками. Лежащий на полу сапожник в рабочем фартуке отпустил сапог человека с наганом, упавшего рядом и полез в сапог за ножом, угрожающе глядя на Лёвку. Нападавший на хозяина мастерской мужчина с пистолетом всем своим видом выражал удивление – подкреп-

ление он не заказывал, а от посторонних глаз его должен был скрыть напарник, который в это время лежал при входе.

– Ходь сюда... – Лёвка зашел слева от мужика с револьвером, и стал между ним и сейфом, ключи от которого нападавший уже отобрал у сапожника. – Да не дури, паря... не дури...

Невысокого роста мужичок в кепке наставил на Задова пистолет, но руки его дрожали так, что нужно было принимать меры – не ровен час, в треморе своем на курок нажмет. Они сделали несколько шагов по кругу, и вооруженный мужчина оказался спиной к Петьке, которого не заметил.

Лёвка, не сводя глаз с пистолета, заметил на фоне фигуры нападавшего, что Петька опустился на четвереньки – так делали в детстве, чтобы нейтрализовать неожиданным толчком в грудь соперника в уличной драке.

– Ну всё, всё, паря... не шали... – Лева зацепил ногой валявшийся на полу медный самовар и тот с грохотом покатился по полу – у него не было ручек. В одну секунду налетчик потерял бдительность, отвлекшись на этот звук и этого было достаточно, чтобы Лёвка принял экстренные меры: рядом, ножками кверху, лежал крепкий, тяжелый табурет, который тут же полетел в нападавшего. Тот инстинктивно прикрыл лицо рукой, свободной от оружия и сделал шаг назад, споткнувшись о Петьку.

Отбиваясь рукоятью револьвера, мужик разбил Петьке верхнюю губу – тот был вынужден отступить.

– Назад! Назад, я сказал! – человек с наганом поднялся на ноги спиной начал пятиться к выходу. По звуку стало понятно, что его напарник пришел в себя и они, хлопнув дверью, спешно ретировались. Схватка секунд двадцать, не более, но сапожнику показалось – что ему показывают кино в замедленной съемке.

Лёвка осмотрелся вокруг, предварительно убедившись, что самовар холодный, поставил его на свободный подоконник. Женщина так и не опускала рук от лица, наблюдая за поведением новых незнакомцев, а сапожник, тяжело кряхтя, попытался встать, не выпуская нож из правой руки.

– От это не надо. Шинелка почти новая, – сказал Лёвка, собирая с пола пачки купюр и поглядывая на сапожный нож. Следующим движением он деньги положил на старый громоздкий сейф, обозначив свои мирные намерения.

– Конспектируете? – Задов среди валявшихся на половых досках купюр обнаружил множество листов, исписанных аккуратным женским почерком.

– Вы кто такие? – сапожник уже стал между женщиной и Задовым, но, похоже, опасности от визитеров ожидать не приходилось.

– Задов. Лев Задов. Анархист-коммунист. А вы меня не знаете, что ли? Прямо обидно даже... Меня тут каждая собака знает... – Лева попытался снять напряжение несколько неуклюжей в данной ситуации остротой. – А вы чьих будете? Поговаривают, вы тут недавно?

Лёва протянул сапожнику руку в знак окончательной разрядки ситуации.

– Кошерович. Борис, – сапожник переложил нож из правой руки в левую и ответил на рукопожатие, после чего барышня за его спиной начала тихонько всхлипывать.

– Да уже плакать не стоит, Мария... Разберись-ка с самоваром, гости, похоже, по революционным вопросам пришли. А я пока порядок наведу. Проходите, товарищи, присаживайтесь, – сапожник поднял валявшиеся стулья и поставил возле стола. – Негостеприимно как-то встретили мы передовой отряд революции, ведь такими вы, анархисты, себя считаете, правда?

– Борис, я еще не понял, товарищи мы или нет. Это после вашего чая станет понятно... – Лёва засунул папаху за отворот шинели и без стеснения сел за стол. – Это мой знакомец хороший, Пётр. Мы с ним единомышленники. Садись, Петька, нам теперь никто вроде не мешает...

– Так вы нам жизнь спасли, похоже... Налетчик же таки пальнул, – Кошерович показал взглядом на пробитую пулей жестяную банку с клеем, из которой на пол медленно вытекала тягучая жидкость.

– Значит, так было кому-то надо, – Лёва многозначительно глянул вверх, будто ссылаясь на высшие силы.

Усатый сапожник с крупными, правильными чертами лица рассмеялся, укладывая на полку книги и какие-то записи:

– Вы верите в Бога? Вы же анархист-коммунист. Человек же сам творец своей судьбы, не так ли?

– Я в случай верю, в счастливый случай. На вашем месте я бы в него тоже уже поверил. Вот какого лешего, простите, мы решили именно в этот момент к вам зайти погугарить, не скажете?

– Не скажу. Это действительно счастливое совпадение. А поговорить нам, похоже, есть о чём.

Спустя пару часов Лёва Задов и Пётр Сидоров-Шестеркин, слегка покачиваясь, не спеша двигались в сторону дома, обсуждая своего нового знакомого и его планы.

– Вот теперь перед мамой врать не придется, и грязный, и водкой воняет, – Лёва пребывал в умиротворенном состоянии после вечера у гостеприимного и благодарного Кошеровича.

О пистолете, смотревшем ему в грудь некоторое время назад, Лёва уже и не думал, настолько увлекла его перспектива участия в революционном движении, раскрытая усатым сапожником.

Петька, взяв Лёву под локоть, держался, чтобы не упасть на гололеде и вслух рассуждал:

– Не, ну я не рыжий, это факт. Так я тоже чувствую в себе силы! Мне просто исключительно сильно печет всё внутри, как представляю, что могу вместе с тобой за наше дело бороться! А то мне этот завод уже вот где, – Петька провел ладонью по горлу. – Это ты у нас политический, да... Сидел за дело правое, но я-то тут тоже настрадался! Меня в прошлом году с Боссе выкинули за что? За забастовку! Я ж тоже могу! Ну меньше мне повезло, чем Задову, не сидел я... или наоборот, больше повезло... Да какое уже теперь дело до этого... Только чего-то я не понял, Лёва... Этот Кошерович что, правда главный? Ему можно верить?

Лёва, аккуратно ступая по подмерзшей тропинке, делал всё, чтобы не поскользнуться, и не утянуть за собой изрядно захмелевшего Петьку.

– Та можно, можно...

– Ты прям как батюшка, или как там у вас, ребе... Прямо в душу к нему, что ли, заглянул?

– Петруха! Ты не скажешь мне, часом, у тебя есть знакомые сапожники, у которых в подсобке сейф стоит, а в нём деньги пачками?

– Та у меня вообще знакомых сапожников нет, у меня батя сам тачает, если надо...

– Ну вот, тогда поверь: налетчики сапожников не грабят. Они за его партийной кассой шли. Так что мы не только его от пули спасли, но и всё их большевицкое сливочное масло уберегли. Ещё не знаю зачем, но так карта легла. Случай...

Гуляйполе. 16 ноября 1918 г.

Сапоги вязли в дорожной жиже. Пытаясь обойти вязкую колею, проложенную узкими колесами телег, путники предпочли сойти на обочину, усеянную желтыми и красными осыпавшимися листьями.

Оба изрядно устали и промокли – шинели отяжелели под льющим второй день дождем.

– Всё. Привал, – скомандовал тот, что выглядел постарше, завидев насколько крупных пней и бревно, лежавшее вдоль дороги.

– Ага... ноги гудят – сил моих нет терпеть. Заодно портянки перемотаю, – второй уселся на бревно и с облегчением стянул сапоги.

– Как думаешь, братка, тот слепец, что позади нас плелся, скоро сюда дочапает? – из вещмешка появился сверток, в котором изголодавшиеся почти за день пути путники хранили остатки своего провианта, взятого в путь, – три вареных в мундире картофелины, половина буханки ржаного хлеба, пара луковиц и небольшой брусочек соленого сала с прорезью.

– Мне он тоже сразу не понравился, как-то слишком голову назад закидывает, будто ниже очков под ноги посмотреть хочет. Дай луковику, Лёвка. Пока передохнем – может, и догонит. Долго же он за нами плелся... – туго перемотав портянки, Данил надел сапоги, довольный результатом – ни единой складки.

Братья Задовы, а это именно они сейчас решили отобедать на завалинке, держали путь в сторону Гуляйполя, до которого, по их расчетам, оставалось не так уж далеко.

– О... плетётся, что-то быстро он дошел, как думаешь, брат? – из-за перелома дороги показалась фигура человека в широкополой чёрной шляпе. Аккуратно прошупывая перед собой дорогу палкой, заменяющей трость, слепой смотрел сквозь большие круглые очки с абсолютно черными стеклами прямо вперед, высоко подняв голову.

– А ну, ка... Давай тихо посидим, не хрусти ветками. Говорят, у слепцов слух развит лучше, чем у зрячих. – Лёва жестом показал брату, чтобы тот замер. – И запомни, моя фамилия теперь – Зиньковский. Привыкай уже, теперь так всегда будет.

Человек в чёрных очках двигался вперед по прямой линии, не обходя лужи и периодически поскальзываясь на мокрой глине. Данька сделал удивлённое выражение лица, будто постыдился своего предположения, что слепец таки подглядывает на дорогу, но тот упрямо шел по грязной, скользкой колее, не желая подняться на обочину.

– Тщц... – Лёва приложил палец к губам, предвосхищая следующую фразу брата.

Метрах в пяти от поваленного бревна, на котором сидели братья, слепец остановился, нащупал в кармане платок, вытер лицо от капель дождя и стал принюхиваться:

– А хлеб ваш свежий! Так только утренний каравай пахнет, вчерашний уже не так... Кто здесь?

Лёва с Даней удивлённо переглянулись, и, как настоящие братья, поняли друг друга с полуслова. Они были демаскированы слепцом, дальше скрывать свое присутствие не имело смысла.

– Что ж ты сам бродишь, без поводыря? Забредешь в даль далёкую, и что потом? – Лёва сжалился над слепым путником и встал, чтобы подать ему руку. – Местный, что ли? Давай к нам, отдышись, а то уже ноги еле переставляешь.

– Вот спасибо, хлопцы, вот спасибо... Воздастся вам на том свете, точно воздастся... – слепой доверчиво протянул вперед руку, в которой была трость, и с помощью Лёвки преодолел глинистый бугор, отделявший колею от завалинки. – А если и хлеба дадите, так молиться за здоровье буду денно и ночью... За кого свечку ставить? Звать-то вас как, ходоки?

– За Данила поставишь и за Льва, – сказал старший брат, отрезая от каравая краюху. – На, поешь... Чем богаты. Даня, рубани ему сальца...

– Ооо... так вы еще и сало имеете, роскошь, роскошь... – местами голос слепого становился по-женски высоким, что придавало его речам какую-то интересную, необычную тональность.

Не опуская головы, их новый знакомый первым делом принялся жевать сало:

– Не наше... Александровское. Наше сладенькое, мягкое, а у них хряки, что на продажу идут, мясистые, жилистые. Ага... – отщипнув левой рукой кусок хлеба, слепой положил его в рот. – И на соломе ж экономят, куркули... Ну что тебе того сена, разбогатеешь, что ли... Положи нормально, обожги как положено, так аромат же будет, шкура смачная выйдет. Наши себе такого отношения к продукту не позволяют.

– Наши – это чьи? – поинтересовался Лёва.

– Та гуляйпольские мы. А вы откель? Говор у вас не наш. Хотя с юга вы, точно...

– Юзовские мы, – ответил Зиньковский.

– То-то я чувю, не наши. А за какими делами к нам? Или гастроли проездом?

– Та не, не проездом. В Гуляйполе идём. Шо там, далеко ещё?

– Почти пришли. А чего лесами? Чего не по тракту? Боятесь кого? – поинтересовался слепой, прожевывая следующий кусок хлеба.

– Слушай, а шо ты такой любопытный? – Лёва стал злиться, понимая, что перед ним местный хитрец.

– Да не, не подумай чего, хлопче... Времена же смутные, кого тут только не бывало за последний год – австрияки одни чего стоили, теперь вот петлюровцы шныряют. А нам-то, селянам, с того только беда одна. Не серчайте, хлопцы...

– Слышь, мужик, – Лёва поднялся и сделал шаг в сторону, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям. – Ты очки снимай, хватит тут циркачить. Стреляные мы, думал на мякине провести? – Лёвин голос стал приобретать угрожающие оттенки.

– Чудак ты, хлопец... Не греши, – слепой остаток хлеба аккуратно положил в карман и стал нащупывать свою палку, которую положил рядом с собой.

– Так откуда ты понял, что я не один?

– Ну ты странноватый... сам же сказал, за кого свечку ставить! – слепой решил прикрикнуть и сорвался на фальцет.

– Вот спасибо, хлопцы, вот спасибо, – Лёва напомнил местному инвалиду одну из его первых фраз и тут же, аккуратно придерживав его за лацканы тулупа, двумя пальцами снял с того чёрные очки, взяв их за центральную дужку на переносице.

Взгляд карих глаз слепого оказался колючим и злым. Завидев, что перед ним обманщик, Лёва приподнял его так, что ноги его оторвались от земли.

– Попусту, – с металлом в голосе спокойно сказал незнакомец.

Только он ощутил почву под ногами, как тут же вставил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Совершенно неожиданно с противоположной стороны дороги и у них за спиной появились солдаты в стрелецкой форме.

– Ладно... пока твоя взяла, – Даня остатки обеда быстрым движением закинул в вещмешок и туго затянул узел. – Лёва, а шо это за мундиры такие?

«Слепой» был невысокого роста, со странной причёской – длинные волосы закрывали уши, он скорее напоминал художника, чем командира военных. Единственное, что никак не вписывалось в творческий образ, так это его глаза – взгляд тяжелый, из-под мощной надбровной дуги, сверлил собеседника, не обещая в ближайшей перспективе совершенно ничего положительного.

– Это кто у нас тут любопытный, я? – вожак стрельцов поднял руку и тут же в глубине леса раздался еще один свист. В это время путников, не успевших закончить свою трапезу, солдаты держали под прицелом. Из глубины просеки беззвучно появилась повозка, запряженная единственной лошадейю.

– Мешки им на голову, – скомандовал невысокий «художник», только что бывший слепым.

Лёва, здраво оценив их с Данькой шансы, решил не вступать в борьбу, а подождать развития событий. В конце концов, кто бы ни были эти люди, пока они ничего плохого им не сделали.

Телега сильно раскачивалась и пару раз они с братом, не видя друг друга из-за мешков, пару раз ощутимо ударились головами. Связанные сзади руки не позволяли держаться.

– Кто это? – не очень громко спросил Даня?

– Да шут их знает... Не гетьманские, это точно.

– Чего так решил?

– А там один в лаптях был. Да и походка не военная. Крестьяне это.

– А ну тихо там! – возница прикрикнул на пленников, и те прекратили перешептываться.

Телега никуда не сворачивала. По звукам стало понятно, что они заехали в деревню – иногда раздавались женские голоса, гоготали гуси, лаяли собаки. Весь путь занял не больше получаса.

– Слезай, морда шпиёнская! – не снимая мешков с пленников, их завели в какой-то сарай. Только там их сняли, но руки не развязали.

Предводитель вояк из леса преобразился. Теперь на нем была серая папаха и шинель, подпоясанная португеей. Слева от их нового знакомого, причмокивая уголком рта, стоял странного вида матрос. Его кафтан был расшит по-гусарски, из-под бескозырки в стороны выбивались темные кудри, а маузер сбоку висел на ослабленной португее – совершенно не по уставу.

– Де ты их откопал, батька? – матрос не выпускал из рук нагайку, демонстративно показывая, что в любой момент может ею воспользоваться.

– В лесу, где ж ещё... Говорил я тебе, Федосий, посты надо грамотно расставлять. Вишь, сработало. Ну давай, милоч, рассказывай, какой у тебя тут интерес... – последняя фраза была адресована Задову, его собеседник безошибочно определил, кто в этой паре старший.

– Ты, что ли, Нестор будешь? – Лёва решил пойти в контратаку.

– Ну, допустим...

– К тебе идем.

– А я вас не звал. Тут таких ходочков – десяток в неделю. Кто такой? – Нестор неожиданно заорал и этот голос уже никак не напоминал фальцет слепого.

– Лев Зиньковский. Это мой брат Данил.

– Шо хотел, Лев? – матрос поигрывал уже не плетью, а маузером.

– Ты, морячок, пистолетик свой заправь на место, а то пальнешь сдуру, так и не поговорим толком. Анархисты мы. Анархисты-коммунисты. Говорят, в Гуляйполе Нестор Махно бунт поднял. Имя в анархических кругах известное, только описывали тебя иначе, уж не думал, что ты такой невысокий... – Лёва, лежащий на сеновале, демонстративно перевернулся на бок – тугой узел толстой веревки на запястье доставлял сильную боль.

– А шо пролетария в наши края занесло? Ты ж вроде из Юзовки? – спросил Махно. – Развяжи их, Федосий.

– Добрый ты, Нестор... – моряк достал из голенища нож и разрезал веревки.

– Так-то лучше разговаривать, – Даня потирал онемевшие кисти рук.

– Слышь, рыжий, ты очочки-то отдай, – Махно протянул Лёве руку.

Дальнейший разговор происходил за большим деревянным столом в чистой, аккуратной хате, что стояла рядом.

– А на шо вы этот маскарад устроили? – Лёва чистил варёное яйцо в предвкушении удовольствия – такого деликатеса они уже давно не видели, все похлебка армейская, да случайные трофеи с крестьянских дворов.

Нестор взглядом скомандовал Федосию Щусю – и матрос без лишних слов плеснул мутной жидкости из большой бутылки в маленькие граненые стаканы.

– Считай, что это военная хитрость. Свои нас в лицо знают, а чужаки пусть думают. В Киеве волнения происходят, Петлюра и Скоропадский перегрызут друг другу горло. Кто победит – мы тут не знаем, но на всякий случай коллекция мундиров имеется. Австрияки с немцами ушли, а эти ещё появляются. Так мы их на живца и берем – и гардеробчик наш пополняется. Так и живем. Где патронами разживемся, где пулеметом. Но мало, конечно, патронов, мало. Даром не палим. И ружья у хлопцев были не заряжены.

– Ага, а мы будто заметили... – Лёва с Даней искренне рассмеялись. – А ты, Нестор Иваныч, на первой же фразе прокололся.

– Та сначала брякнул, а потом смотрю – заметите или нет? Заметили.

– Голову назад не заваливай, видно же, что подглядывал на дорогу.

– Вот, говорил я тебе, Щусь! Говорил же! А ты – выше голову, выше, слепые все время вверх смотрят!

Федосий Щусь – матрос в гусарском мундире, даже несколько обиделся, что пришлые оказались правы. И вообще, не много ли им внимания? Из сарая да за стол. Обычно стреляли.

– Ну, а как же ты, Лёва, на Донбассе боролся за дело наше анархическое? – Махно хитро прищурился в ожидании ответа.

– Да как все. Пара-тройка эксов, закупили оружие, да не успели продолжить. В тринадцатом повязали нашу боевую ячейку. А после февраля понеслось. Там уж и в совет меня от доменного цеха выдвинули, и добровольцем пошел...

– За кого? – Федосий задал этот вопрос так, будто поставил капкан. Всё его ревность одолевала. Как с Нестором вместе воевать – так Федосий, а эти пришли час назад, а он их уже и на постой определил, и кормит, и поит.

– Так за красных. Анархический отряд. Гнали нас аж до самого Царицына. А там большевики обласкали – под арест кинули. Меня и почти всех остальных. Трусы, говорят. Мародеры.

– Ну, за трусость вообще расстрел положен, а ты живой, – кольнул Федосий.

– Пока в каземате сидели, командование справки навело. Действительно оказалось, что немцев раз в двадцать больше было. Простили. Но я их не простил.

– Это шо ж так? – Нестор отвлекся от квашеного помидора из бочки.

– А вот так! Есть там у них один, почти земляк наш. Ворошилов Климент. Маленький такой, но противный, зараза. Прости, Нестор...

Махно при слове «маленький» скривил такое лицо, будто получил личное оскорбление:

– Это ты, дылда здоровая, на всех свысока смотришь, потому как рост у тебя ненормальный, тебя ни в каком окопе не спрячешь. А способности от роста не зависят. Вон, училка наша говорит, Наполеон вообще самый низкий в своей армии был – и ничё... Шляпы снимали и кланялись. Так шо этот твой Климент? Шо за военный?

– Из большевиков. Но такой, что-то в нем есть не наше, не знаю... Вот отступаем, на станции полно вагонов с ранеными, он приказ даёт – на восток. А я что, братву свою брошу под штыки гансов? Они там будут лежать в бинтах и ждать смерти? Дань, дай-ка картошечки ещё...

– Ну, не по-людски, да... Так мог же и здоровых потерять. У гадёнышей тогда аэропланы были, а пара бомб на станцию – то ж милое дело, – Нестор продолжал с любопытством расспрашивать гостя. Находясь здесь, в глубинке, он не имел свежей информации о происходящем за пределами уезда, и все эти новые имена, фамилии, стиль поведения и прочие тонкости для его любопытного ума были чрезвычайно полезны.

– В общем, выбрались мы тогда. Всех увезли, а сами последним составом отбыли. И что ты думаешь? Ворошилов спасибо сказал за то, что я ему личный состав сберег? Да вот и дуля тебе с маком, Зиньковский. Выговор! За невыполнение приказа. Я, может, чего не смыслю в

вопросах управления армией, но несправедливость за версту чую. А как денежное содержание свое разделил между хлопцами, так впал в немилость.

– Большевики, они, конечно, странноватые на первый взгляд. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что...

Нестор встал из-за стола и, заложив руку за лацкан, принялся расхаживать вдоль стола. Братья Задовы при этом внимательно следили за его словами, а Щусь, слышавший эти лекции уже не один раз, принялся чистить маузер. Ему это было уже знакомо – все решения Махно выносит на суд товарищей, и как бы решения принимаются вместе, но перед этим так мозги выполощет, разжует и в рот положит – глотай только. Вроде и все вместе порешили, а вроде – то, что Нестор хотел.

– Так вот, сейчас большевики наши союзники. Однозначно. Из всего, что крестьянину полезно, – они единственные, кто хоть как-то не становятся нам поперек горла. Скоропадский – враг наш, да и недолго ему осталось. А на смену кто придёт? В Киеве ж нет ни одного человека в здравом уме и трезвой памяти! – Нестор продолжал ходить взад-вперед. – Один другого краше, и всё ищут, под кого бы нырнуть. А про Гуляйполе кто будет думать? Чтобы хлебушек уродил, чтобы скотинка разводилась... Им бы только отобрать, да поделить. Кто землю даст, за тем народ и пойдёт. Так вот я землю быстрее большевиков дам.

– Ой ли? – Лёва скептически ухмыльнулся. – До этого часа еще ой как далеко. Ещё повоевать придется. Кровушки пролить, и своей, и вражеской.

– А кто враг наш? – резкий выпад Нестора отвлек Задова от следующего яйца.

– Да ясно кто, немцы.

– Мелко мыслишь, товарищ Зиньковский. Наш враг – любой, кто свободу нашу прижмет. Любой. Скоропадский, например. Или беляки – тех вообще со свету сжить надо. Потому большевики – наши союзники. А таких полководцев, как этот твой Климент, их везде сыскать можно.

– Свобода может быть без справедливости? – Лёва давно не принимал участие ни в каких спорах – армия дискуссий не подразумевает, потому готов был сегодня на полную катушку восполнить пробел общения с единомышленниками.

– Нет.

– Так вот этот Ворошилов, значит, у меня часть моей свободы отобрал. Еще увидишь, какой фрукт. Да там они все яркие. Троцкий, говорят, так вообще голов не считает. Ему бы на бойне командовать.

– Ты хлопец горячий, как я погляжу, – Нестор отодвинул в сторону глиняную миску, проверил по привычке кобуру и удовлетворенно выдохнул. – Но наблюдательный. Время покажет, кто прав, а осторожность – она никогда не помешает. В этом месиве верить никому нельзя. Подходишь ты мне.

Одесса. 3 апреля 1919 г.

– Сёмочка, шо вы знаете за тот парад на море?

– Ой, да что там знать, забежали как вишвый по бане. Ото они и знают шото. Слепому видно – тикают.

Лоточницы на Приморском бульваре только о том и сплетничали – на рейде Одесского порта, кормой на восток и носом на запад, выстроились десятки больших и малых черных силуэтов кораблей. За то же гутарили и на Привозе, неожиданно ощутившем на себе факт очередного потрясения в городской жизни – выручка стремительно падала.

Одессита разве удивишь эскадрой? Приходят, уходят, гудят, лязгают цепями якорей, выпускают в город экипажи, чтобы те почувствовали наконец-то под ногами твердую землю, оставили деньги в «Гамбринусе» и других бodegaх¹⁵, а если после всего здоровья хватит, то и в объятых местных жриц любви. Так было десятилетиями, в таком ритме Одесса живет круглосуточно, но в апреле 1919 года этот ритм нарушился.

Военные, грузовые, пассажирские суда, все они по очереди подходили к причалам, чтобы взять на борт то, что им положено расписанием эвакуации. Французский оккупационный корпус уходил из Одессы так стремительно, что любой, даже самый далёкий от военной стратегии балабол, понимал, что это напоминало бегство.

– А вы видели, Сёмочка, ваши квартиранты сбежали!

– И быстро сбежали?

– Ну не так, чтобы очень, чумадан не забыли.

– Они хоть свой чумадан не забыли?

– Я так смотрела, что им стало неприятно. Ваш чумадан я припоминаю, я ещё в своём уме! У них таки был свой. Вы, Сёмочка, не в накладе остались?

– Да нет, что вы, мадам Зборовская... Без грошей вперед мы ключами от номеров не грюкаем, вы же знаете...

Весь восемнадцатый год Одесса наполнялась людьми, бежавшими от войны и революции. Купцы, интеллигенты, разного уровня бывшие чины, состоятельные обыватели искали в сытом городе у моря покой, защиту и надежду на будущее. На фоне Петроградской смуты приезжим казалось, что здесь – земля обетованная. Конечно, нравы не столичные, своё нужно держать подальше, вести себя тише, не шиковать. Тем более что со всеми этими событиями совершенно неясно, как жить дальше, что будет и к какому берегу революционный шторм прибьет хрупкое суденышко каждой, отдельно взятой семьи.

В Одессе стало тесно. Не только в трамваях, но и в квартирах. А с приходом в начале декабря восемнадцатого года французского корпуса, так и вообще. Одно успокаивало столичных беженцев – французские мундиры радовали глаз. В беспокойной Одессе установился относительно спокойный порядок и воспитанные, образованные барышни не упускали шанса невзначай блеснуть знанием французского где-нибудь в театре в присутствии этих самых мундиров.

Третьего апреля утром в городе началось необычное оживление. Иностранцы офицеры сменили выражение своих лиц с томно-богемного на суровое и строгое, какое следует соблюдать при службе. Передвигаться по улицам они стали быстро, четко выполняя приказы своего начальства – на эвакуацию штабом десантной дивизии было отведено критически мало времени.

¹⁵ Бodega – корчма.

Местные с интересом наблюдали за этим гармидером¹⁶, подразумевая, что в любой нестандартной ситуации найдется место для гешефта¹⁷, а расслабившиеся при французах переселенцы начали откровенно паниковать. По городу устами всезнающих торговков неслась весть о том, что красные полки на подходе, а их лазутчиков уже видели на Фонтане.

Мест на судах для такого количества желающих, конечно, не было предусмотрено. Капитаны еле живых баркасов и малоразмерных, выдавших виды прошлого века ботинок, взвинтили цены до небес: до Севастополя просили тысячу с лица, а если дальше, то разговор начинался с двух.

Одесса опустела в течение двух суток. Центром жизни на это время стал порт.

Прослышав о вселенском движении, на улицы вывалил весь цвет Молдаванки и Слободки – от марвихеров¹⁸ и щипачей¹⁹, до гопников²⁰ и обычных босяков²¹. Штука ли! Куш²² сам вышел из своего гнезда, одетый не по сезону, в меховую шубу, потому как та не помещалась ни в какой из кофров. Куш с плаксивым лицом пытался докричаться вслед уходящему по брусчатке извозчику и в страхе даже не пытался рыпаться дальше, чем на десять метров от жены и детей, охранявших гору багажа, готового к бегству вместе с хозяевами.

К вечеру шестого числа, изрядно подуставшие от обилия работы, искатели легкой наживы и приключений в основной своей массе рассредоточились по малинам для подсчета барышей. На улицах, распугивая своим видом случайных запоздалых прохожих, еще шатались мелкие группы экспроприаторов, но запал у них был уже не тот – удовлетворенные результатами покоса последних дней, они имели настрой в большей части миролюбивый и спокойный.

Иное настроение было в душе у Бори Штыка. Боря только в обед пришел в себя после обильного возлияния, продолжавшегося несколько дней в компании братьев по воровской специальности и малознакомых барышень. Боря спустил всё, что с таким трудом надёргал за неделю и теперь, разочарованный и обозлённый на Фортуны, которая отвлекла его от редкой удачи женщинами и спиртным, он мог только молча завидовать более трудолюбивым коллегам.

Боря и сотоварищи, нехотя пиная попадавшие под ноги камушки и не вытаскивая натруженных воровских рук из широких карманов, двигались от Портового спуска²³ вверх по узкой каменной лестнице, к началу Дерibasовской. Головная боль делала их существование в этот вечер невыносимым.

– Считайте, что я к этой фармазоннице²⁴... Как её? Изабелла? Считайте, дорогу забыл. Изабелла... Финочка под её пухленьким бочочком может раскрыть нам глаза на правду. Быстреей всего, по пачпорту, какая-нибудь Соломия. Такого шумурдяка²⁵ нам не подавали даже в самые грустные времена! – эту тираду Борис, терзаемый невероятной сухостью во рту, изрек в адрес принимавшей стороны, которая обеспечила ему трехдневный загул за его же деньги.

– Ваши слова, Боря, сейчас пахнут таким перегаром, что я не уверен, надо ли нам на Дерibasовскую, там же приличные люди, – заметил Йося Аглицкий с Пушкинской. В этой стае он слыл интеллигентом благодаря своему месту проживания и полным неприятием какой-либо матерщины.

¹⁶ Гармидер – беспорядок.

¹⁷ Гешефт – сделка.

¹⁸ Марвхер – вор высокой квалификации.

¹⁹ Щипач – вор – карманник.

²⁰ Гопник – бездомный. ГОП – Городское общество презрения.

²¹ Босяк – изначально грузчик. Босяки писали на голых пятках цену своей работы и спали ногами к клиентам. Не брезговали босяки и уличным криминальным промыслом.

²² Куш – богатая добыча.

²³ Портовый спуск – современный Польский спуск.

²⁴ Фармазонщик – аферист, сбывающий фальшивки.

²⁵ Шмурдяк – некачественное спиртное.

– Ой, Йося, ша... – на большее выражение эмоций Борю не хватило. Он сам уже задумался, зачем они поперлись по этой чёртовой лестнице, не имея сил толком переставлять ноги. Их ещё нетрезвая походка напоминала покачивание моряков, только сошедших на берег.

– А щас сосредоточились, братва... – прошептал Боря, завидев сверху лестницы быстро спускающуюся фигуру человека в гражданской одежде.

Как только прохожий поравнялся со встречной компанией, Йося подставил тому плечо и картинно взвыл:

– Ой, ёёё... От это вмазал! Ты шо ж такой прямолинейный, как броненосец! Это было даже больно!

– Je m'excuse²⁶. Не понимать, – ответил молодой человек, пытаясь избежать нежеланной встречи, но узкая лестница и полная темнота не давали ему пространство для маневра.

– Гля как мурчит, французик, не иначе, – Боря определил своим воровским чутьем, что это тот единственный шанс, который дала ему на сегодня судьба, чтобы пополнить содержимое карманов и затем иметь возможность зарисоваться на Молдаванке. Ну не мог же он признать, что в то время, когда все люди стали на работу, он безбожно пил где-то на задворках Карантинной балки и профукал весь свой воровской фарт.

– Предъявите содержимое карманов. И давайте без шума и пыли, – выдвинул ультиматум Боря, сделав шаг навстречу жертвы.

Француз аккуратно, двумя пальцами достал бумажник и протянул его грабителям. Та же участь постигла и его часы. В знак того, что он отдал всё, молодой человек развел руками.

– А тут у тебя что? – Иосиф Аглицкий потянулся к тонкому жёлтому портфелю, который иностранец держал в левой руке. Реакция на это движение оказалась моментальной – француз нанес грабителю удар в челюсть, от чего Йося, перецепившись через парапет, улетел с лестницы. Такое нахальное поведение до этого момента смиренной жертвы стало неожиданно для нападавших и от того они на мгновение опешили. Француз, подобрав с земли шляпу, поспешил продолжить свой путь, но совершил непростительную оплошность. Посчитав, что всё закончилось, он подставил спину. Боря Штык дал волю своим звериным инстинктам и в два прыжка догнал иностранца, ударив его ногой в поясницу. Человек с портфелем сумел сгруппироваться и, покотившись вниз по ступеням, умудрился увлечь за собой Штыка.

У Бориного везения на сегодня явно лимит был исчерпан: фраер в шляпе оказался не простой жертвой, а подготовленным бойцом. Через секунду он ухватил бандита за кадык и тот стал издавать ужасные хриплые звуки. Никто из Борькиных поделльников не посмел приблизиться, только Йося под покровом темноты пробирался в тыл врага.

Штык уже перестал хрипеть и, похоже, собрался отдавать Богу душу, но тут Йося с тыла добрался до эпицентра событий.

Непонятно как, но француз его заметил. Теперь, чтобы дать отпор подкреплению, иностранец отпустил кадык Штыка и Боря, получив возможность дышать, собрал последние силы, перекатившись на живот.

Револьвер из внутренней кобуры обладатель портфеля так и не успел достать – Йося ударил его финкой в грудь с силой, совершенно не соответствовавшей его хлипкому виду. Казалось, хруст ребер жертвы был слышен на Портовом спуске.

Француз безжизненно распластался на ступенях, не выпуская из рук портфеля, но Йося таки вырвал его с каким-то диким остервенением. Челюсть напоминала о себе невероятной болью в щеке. В пылу борьбы юнец не почувствовал, что у него выбит зуб. Теперь, когда жертва была повержена, он выплюнул его вместе с кровью и озадачился содержимым портфеля, за который с такой яростью бился незнакомец.

²⁶ Прошу прощения.

– Да что ж там такое! Сокровища Британской короны? – юноша дрожащими руками раскрыл оба замка и разочарованно выдохнул. – Чёрт... Зря грех на душу взял... Бумажки какие-то...

– Йося! Ну ты ж не фраер! Ну такой расклад выпал, не копти, – успокоил товарища сквозь кашель оживший Боря Штык. – Что за бумаги? Читай, грамотей!

– Пошли отсюда. Не в библиотеке, – Йося красноречиво глянул на тело иностранца, под которым растекалась лужа чёрной крови.

Одесса. Порт. 6 апреля 1919 г.

– Доложите ситуацию, полковник Фрейденберг.

– Мой генерал, согласно графику, все погрузочные работы выполнены. В течение сегодняшнего дня двадцать два судна ушли с рейда с полной загрузкой. Двенадцать из них взяли курс на Констанцу, десять – на Севастополь. Докладываю: ваш приказ выполнен.

– А что с теми людьми, которые в порту остались? – бригадный генерал Филипп Д'Ансельм, командующий союзными оккупационными войсками на юге России уже мог докладывать премьер-министру Жоржу Клемансо о завершении операции по эвакуации французских и греческих войск из Одессы. Теперь генерал проникся сопутствующими вопросами, решать которые напрямую он был не обязан.

– Мой генерал, все суда вышли на рейд, груженные по ватерлинию. Свободных мест ни на одном борту не оставалось, – доложил начальник штаба, полковник Анри Фрейденберг.

– Значит, несчастным не повезло? – лицо генерала не выражало ни сожаления, ни сочувствия – только по-военному сухая констатация факта.

– Возможно. Но они на родине, – отрапортовал полковник.

– Что с матушкой, Анри?

– Мой генерал, я благодарен Вам за исключение, которое вы сделали для члена моей семьи. Матушка уже на борту.

– Не стоит благодарности, Анри. Иначе и быть не могло.

В этих своих словах бригадный генерал Д'Ансельм был искренним. По прибытии в Одессу, где разместился штаб оккупационных войск Антанты, командующий столкнулся с сотнями вопросов, которые следовало решить если не немедленно, то хотя бы в течение нескольких часов. И тут провидение послало ему полковника Анри Фрейденберга – коренного одессита со всеми вытекающими отсюда последствиями.

После поступления приказа об эвакуации Анри находился дома лишь несколько часов, которые он потратил на то, чтобы уговорить свою маму последовать за ним. Лишь красочное описание перспектив, которые ожидают пожилую мадам Фрайдельберг после появления на Греческой площади первых же разъездов красной кавалерии, сдвинуло дело с мертвой точки.

После визита лекаря, невероятными усилиями вернувшего давление мадам в норму, старушка мысленно попрощалась со всей своей недвижимостью в центре Одессы и приказала собирать ей чемоданы. Таковых набралось четырнадцать, но это нисколько не смутило её послушного, любимого сына, приславшего за багажом авто – действовать следовало оперативно, дабы маминька не успели передумать. В таком почтенном возрасте случается, что дамы могут быть так же непостоянны, как на заре своей туманной юности, но мадам Фрайдельберг уже свое слово сказала. Следует заметить, что свою железную волю, предприимчивость и хитрость полковник унаследовал именно по женской линии.

Генерал, находясь на мостике флагманского корабля, разглядывал причал Каботажной гавани в бинокль. Там бегущие от красных гражданские отчаянно штурмовали катер под французским флагом. Команда никого не пускала на борт, в ход пришлось пустить даже багор.

– По вашему мнению, Анри... Сколько еще нужно времени?

– Хочу надеяться на лучшее, но прошу еще час. Капитан Пинель отличается исполнительностью и пунктуальностью.

– Полковник... Ваши интриги я терплю исключительно из-за хорошего к вам отношения. Уже начинаю жалеть, что пошел у вас на поводу. Неужели эти бумаги того стоят?

– Мой генерал, эта оперативная игра велась несколько месяцев, и вот наконец-то нам будет чем уколоть немцев. Все свои делишки с большевиками они прокрутили лихо и с размахом. Я не уверен, что, оплачивая оппозицию в России, они рассчитывали получить именно

такой результат – враждебную страну. Скорее всего их цели ограничивались выводом России из войны.

– Знаете, Анри... Возможно, я человек другой закалки. Мой враг всегда передо мной. Я его в бинокль могу рассмотреть. Эти ваши закулисные маневры, без сомнения будут по заслугам оценены во внешней разведке. Вы там тоже в звании полковника?

Подобными вопросами Анри смутить было трудно, он не скрывал, что выполняет поручения 2-го управления²⁷. Одесса недаром удостоилась внимания службистов. Если какая-либо европейская спецслужба не имела агентуру или резидента в городе, то можно было считать, что она отстала от реального хода событий минимум на год. Уникальная, раскованная атмосфера портового города позволяла затеряться в числе многочисленных иностранцев, пребывавших там по роду службы или просто так, для прожигания жизни. Сюда стекались потоки информации, совершались сделки, шла торговля секретами – настоящими и не очень.

– Я в звании полковника, мой генерал... – Анри натянуто улыбнулся. Шеф сразу смирился с некоторыми щекотливыми миссиями своего подчиненного, которые он никак не контролировал. Теневая сторона деятельности полковника его официальной миссии никак не мешала, он блестяще руководил штабом.

Спустя два часа пребывания на мостике бригадный генерал Д'Ансельм, испив горячего чая, всё же нарушил гнетущую тишину:

– Полковник...

– У нас есть ещё возможность ждать?

– Нет, Анри.

Фрайденберг вопреки всем правилам приличия и воинской иерархии никак не отреагировал на слова бригадного генерала, а поднял бинокль и пристально стал разглядывать причал порта, на котором толпилась разношерстная публика с багажом. Казалось, в этом муравейнике, колышущейся людской массе, невозможно различить знакомое лицо, но полковник потратил еще десяток минут, всматриваясь в каждого, кто попадал в поле зрения его мощного бинокля... Генерал Д'Ансельм молчал.

Неожиданно резко полковник оторвался от оптики и, повернувшись лицом к командиру, чётко отрапортовал:

– Да, мой генерал! Отдавайте приказ. Я все понимаю. Он не мог опоздать. Что-то произошло.

– Капитан, отзывайте катер. По его прибытии – поднять якоря. Курс на Констанцу, – скомандовал бригадный генерал капитану флагмана.

Катер под французским триколором так и не дождался своего единственного пассажира с жёлтым тонким портфелем...

²⁷ 2-е управление – служба внешней разведки Франции во время Первой мировой войны.

Одесса. 8 апреля 1919 г.

- Сёмочка, а шо ви думаете за отех шлемазлов²⁸ в зимних жупанах?
– Мадам Зборовская, я не их папа, шоб за них думать. От них так разит бормотухой и часныком, шо мұхи падають замертво за квартал! Шо это за турки? Шо от них можно иметь хорошего?
– Сёмочка, а ви будете их селить?
– Та на чорта нам оте скаженные! У меня что, вид на море!? У меня нет вида на море!
– А если очень попросят?
– Всё. Нумера закрыты! Убытков нам не надо! У меня же люстры венецианского стекла!
– Ой, Сёмочка, я вас умоляю! Видала я те люстры!
– Мадам Зборовская, это наша тайна!
– Сёмочка, ваша мама воспитала-таки правильного сына, дай бог вам хорошую любовницу!
Уже сутки Одесса стояла на ухах в связи с приходом освободителей.

Комбриг Никифор Григорьев эффектно появился в городе со стороны Слободки. В сопровождении кавалерии полковник проследовал на открытом авто по Пушкинской, сорвав аплодисменты и восторженные возгласы. Свой выбор он остановил на гостинице «Бристоль», где занял второй этаж.

На балконе гостиницы теперь развевался красный флаг. В подтверждение серьезности намерений бывшего атамана, а ныне – красного командира товарища Григорьева с того же балкона обозревал свои дулом угол Пушкинской и Кондратенко²⁹ потертый в боях пулемет «Максим». Ни один прохожий пулеметчика рядом с ним не видел, поэтому жители соседних домов единогласно приняли решение, что «это для форсу бандитского».

Барышням, владеющим французским, мамы под страхом домашней казни запретили выходить не только в театр, но и вообще за дверь. Несколько дней назад, на Греческой или Скобелева³⁰, повстречав офицера, мадемуазель могла лишь смущенно улыбнуться и смиренно опустить взгляд в ответ на его жест, напоминающий отдачу воинской чести. Сегодня мадемуазели пришлось бы спешно ретироваться под одобрительные возгласы не по сезону одетых военных с красными лентами на папах – части Григорьева пришли в весеннюю Одессу в зимнем обмундировании.

Все постояльцы из «Бристоля» поспешили разместиться в более спокойных местах, если таковые можно было теперь найти в вольном городе. Немногочисленное войско Григорьева потерялось в городских кварталах – поодиночке и мелкими группами воины брали от жизни всё, чего им недоставало в зимнем походе.

– Миша, к тебе имеет дело Иосиф Аглицкий с Пушкинской, – Майорчик³¹ почтительно нагнул, чтобы Японец мог его слышать, а некоторые случайные посетители кафе «Фанкони» – нет.

– Там что-то настоящее? – поинтересовался Король, нехотя отложив в сторону свежий, возможно и последний, выпуск газеты «Одесский листок».

– Йося имеет вид взбудораженный, – кратко описал ситуацию Майорчик.

²⁸ Шлемазл – недалекий человек.

²⁹ Ныне – ул. Ивана Бунина.

³⁰ Ныне – ул. Еврейская.

³¹ Мейер Зайдер – адъютант Михаила Винницкого (Мишки Японца).

– Зови.

Не успел Миша отпить свой кофе, как возле стола появился явно смущенного вида молодой человек, лицо которого было покрыто от волнения красными пятнами.

– Михаил Вольфович, я бы не приперся за просто так... – юноша впервые имел личное общение с королем преступного мира вольного города и от того пребывал в глубоком волнении.

– Я думаю, если у порядочного человека есть ко мне дело, так я должен выслушать.

– Спасибо, Миша, за комплеман, я потому и пришел, что моя порядочность мне жизни не даёт уже второй день, – Йося поборол нервы в голосе после первой доброжелательной реплики Японца. Тот, вопросительно глядя на визитера, ожидал продолжения разговора – обычно в этом месте от визитёра следовала какая-то просьба или жалоба.

– Мы тут третьего дня на лестнице фраера одного... ну, того...

– Кокнули, что ли? Что-то я не слышал о трупе на Ришельевской лестнице³² третьего дня.

– Та не, Миша... То была от Дерibasовской лестница. Так мы его почистили, ну и да, взял я грех на душу. Иначе не увидел бы я сегодня короля, понимаешь, одели бы меня уже в клифт деревянный³³, и лежал бы я там, молодой такой, с дыркой в боку.

– Слушай, Йося... Ты ведешь себя, будто с мамзелью заводишь. Меньше пафоса. Чего хотел?

– При французике том портфель был, – молодой человек произнёс это с важным видом, сделав в слове «портфель» ударение на первый слог.

– Ну? – томимый непониманием, Японец начинал выходить из себя. Тут григорьевцы воровской люд прижали, людям работать не дают, а Йося всё никак не разродится...

– Мама говорила – учи, сынок, языки, тебе пригодится. Таки пригодилось. Я эти бумажки прочёл. Они на немецком.

– Ну? – ещё громче подтолкнул Йосю к финальной мысли Японец.

– Миша, это очень секретные бумаги. Там так и написано вверху – «Ну очень секретные бумаги».

– И что, какие будут предложения?

– Я их вам, Миша, отдам, а мне взамен денег не надо. Я и так не знаю, на чёрта я их подмел. А вам пригодится, у вас уровень!

– Не имею возражений. Мы почитаем, и если что – за нами не заржавеет, – резюмировал Японец. – Так, а где бумаги?

Йося, хоть выглядел как юнец, ума к своим двадцати годам уже нажил:

– Три минуты. И я здесь.

Через указанное время Михаил Винницкий, известный в миру как Мишка Японец, держал в руках тонкий портфель из желтой кожи.

Весь день до самого вечера к королю одесского криминалитета стекалась со всего города информация о происходящем. То там, то здесь люди воровской специальности попадали в неприятности с красноармейскими патрулями. В порту, где интервенты оставили после себя море добра, форму, боеприпасы, технику и прочее, нужное в хозяйстве барахло, были расстреляны на месте два человека, разжившиеся четырьмя рулонами сукна. Глаза³⁴ докладывали, что ночью в «Бристоле» состоялся невероятный кутёж – на подводе, запряженной добрым битюгом, привезли бочку красного вина. Катить наверх её не стали, разливали во что попало прямо в парадной зале, а потом до утра орали песни и палили по люстрам.

Последней каплей стали слова Майорчика:

³² Потёмкинская лестница.

³³ Клифт – пиджак. Деревянный клифт – гроб.

³⁴ Уличные разведчики.

- Миша, этот атаман дюже люует.
- Что там еще? – одной плохой новостью больше, одной меньше, настроение всё равно было безнадежно испорчено.
- Приказал расстреливать нашего брата на месте преступления в целях борьбы с преступностью.
- Эх, как завернул, шкура петлюровская!
- Позволю себе встрять, Миша, он не петлюровская шкура, а красная, – поправил своего шефа Майорчик.
- Эти шкуры перекрашиваются быстрее, чем сохло бельё в заведении покойной мамаша Мозес, царствие ей небесное! Вот увидишь, Мейер, пройдет время, и он опять масть сменит.
- Ну, хорошо, пусть будет петлюровская. Может, оттого он чекистов так ненавидит.
- А что с чека?
- А он их тоже собрался к стенке ставить.
- И как? Получилось?
- Да не очень, Миша... Кто смылся, кто телеграфировал в штаб ихний... Такое... Жертв и разрушений нет. Но уж больно орал, что постреляет.
- Да слабоват он на чека рыпаться. Тем более они одного поля. Этот не Гришин-Алмазов³⁵. Этот попроще будет. Кстати, а что там наш генерал? Что люди говорят?
- Говорят, ушел в Бессарабию.
- Один ушёл, другой вон пришёл... Что им всем неймётся, Майорчик? Что им надо изпод нас?
- А мёдом тут намазано, Миша. Ладно... Тут ещё коммерческое сообщество жалуется... Люди обоснованно волнуются. Ювелир Костюковский, так тот в лоб спросил: «Люди дорогие, я делаю взносы, свою часть договора исправно выполняю, а у меня неприятности такие, будто вас тут и не стояло».
- Что стряслось у почтенного Зиновия Яковлевича? – искренняя забота о благосостоянии известного ювелирных дел мастера сквозила в голосе Мишки Японца. Зиновий Яковлевич не только состоял на учёте как личность неприкосновенная в силу ежемесячной оплаты взносов на людские нужды, но и оказывал Мише мелкие услуги. Мог за ночь разобрать на запчasti колье, не спрашивая, откуда оно приехало, делал бесплатно экспертизу ценности камушков и утверждал подлинность проб на драгметаллах, ну и так, по мелочи – консультировал по ювелирному антиквариату. Обидеть Зиновия Яковлевича было всё равно что плюнуть самому Мишке под ноги.
- Кто старика обидел? – конкретней сформулировал вопрос Японец.
- Новые власти. И не только его, – ответил Майорчик.
- Вы, Зайдер, тянете кота за хвост. Нельзя ли конкретней, пока я не разволновался.
- Григорьев наложил контрибуцию на коммерсантов. Повелел собрать пятьсот миллионов до двенадцатого числа. Старики расстроились, говорят, во всей Одессе нет столько наличности.
- Сумасшедший поц! Что он себе думает? – взорвался Японец.
- Он себе думает, что если ему рукоплескали на Пушкинской, то он теперь Господь Бог.
- Месье Никифор несколько самоуверен... – Мишка о чём-то задумался, придвинув кофе к себе поближе. – А где этот Йося, что вчера портфель принёс?
- Доставить? – немедленно отреагировал адъютант.

³⁵ Гришин-Алмазов, Алексей Николаевич – генерал-майор, военный губернатор Одессы до марта 1919 г. Отказался от перемирия с городским криминалитетом, предложенного Михаилом Винницким. Выжил после нескольких покушений, организованных на него Японцем.

– Что ты, Майорчик, такой заводной? Не доставить, а пригласить и проводить, чтобы побыстрее. Мальчик сделал нам подарок, он заслужил почтение.

Через час Иосиф сидел напротив Японца за тем же столиком, что и вчера.

– Йося, меня терзает вопрос: Аглицкий – это твоя фамилия, или по костюмчику прозвали? – Иосиф на парадные выходы крайне редко надевал костюм английского покроя, и было это всего три раза в его жизни. Два из них он встречался в этом костюме с Мишкой.

– Это фамилия.

– С такой фамилией нужно только на Пушкинской квартироваться, да... – задумчиво произнёс король.

Йося предпочёл пока вслух не выступать – Японец вид имел задумчивый и хмурый. Что только юноше не пришло в голову за ту пару минут, пока Миша молчал. От того, что нужно было-таки кокнуть ту цыганку, что вслед ему на прошлой неделе крикнула: «Шоб ты сдох, жлоб!» и до того, что даже не успел маму поцеловать перед выходом.

– Иосиф... – многозначительно начал Японец.

«Та не... так не приговаривают» – облегченно вздохнул парень.

– Вот тебе вознаграждение. Бумажки твои достойные, – король протянул юноше конверт, а тот, в свою очередь, почтено поклонился, справедливо рассудив, что заглядывать туда прямо сейчас было бы неприлично и оскорбительно. – Гляжу я на тебя и вижу: талантливый ты экземпляр. Одежда приличная на тебе сидит как родная, за словом в карман не лезешь. У меня тут идея одна созрела...

– Можете на меня положиться, у меня ещё и новые туфли есть, – сострил Йося, подогнув ноги под себя, так, чтобы балдахин, надетый на кресло, скрыл его потресканные ботинки.

– Вот и чудно, Йося! Мы твои туфли выгуляем! – Японец рассмеялся и встал, чтобы размять затекшую спину. – И ты не стесняйся своих педалей, босяк! Время такое. Кто стесняется, тот задних пасёт, если жив останется...

Одесса. Гостиница «Бристоль». 9 апреля 1919 г.

Следующим утром Иосиф Аглицкий, надев-таки свои новые туфли, порядком натёр ногу, пока дошёл до «Бристоля». Мусье Барабанов, распорядитель гостиницы, получивший прошлым вечером просьбу от людей, которым он не мог отказать, провел молодого человека в подсобное помещение ресторана и обозначил фронт работы.

В силу того, что Йося умел варить только кофе по-турецки и имел в этом здании свою, отдельную миссию, порученную Японцем, то к нему особо никто не цеплялся – Барабанов распорядился, что юноша будет находиться за стойкой буфета, а не на побегушках. Исключением были заказы на второй этаж – в штаб Григорьева. Буфетчик Ципрадис воспринял этот приказ с таким облегчением, будто ему списали все карточные долги. За последние сутки со второго этажа ни копейки не заплатили, а когда он скромно поднял этот вопрос, ему красноречиво ткнули в лицо маузером, поручив к концу дня дать перечень поставщиков, которые отказываются везти в гостиницу продукты без денег.

Природная общительность сделала свое дело: после обеда Йося лично прислуживал полковнику и его приближенным штабистам.

– Ты это, малец... Шобы сюда больше никто не ходил. Ты будешь носить, а то у твоих дружков рожи кислые, будто не рады освободителям! – под громкий хохот прокартавил Никифор Григорьев. Йося закинул им пару-тройку анекдотов, после которых коридор еще долго сотрясался от громкого хохота красных командиров. – И не стой как истукан! Иди, вспоминай ещё чего-нибудь. Нам твои истории по душе. Принеси вина снизу и ещё анекдотов.

– Та любой каприз, товарищ полковник! – продолжение этой фразы «За ваши деньги» Йося предусмотрительно опустил и принялся проворно убирать со стола хрустальные пепельницы с окурками от самокруток, напевая себе под нос:

Мой братан для марафета бабочку надел,
На резном ходу штиблеты – лорд их не имел.

– Эй, хлопчина! А ты тутошний? – прищурив глаз от попавшего туда дыма, окликнул его один из командиров.

– А як же ж. Самый шо ни есть.

– А твоя кодла вся перепуганная, не такие как ты, да и жилетки у них по размеру...

Иосиф выпрямился, одернул униформу, которая ему была великовата и важно произнес:

– Имею честь прислуживать господам... Тьфу, товарищам... – моментально поправил себя Йося и тут же продолжил. – С особым усердием, потому как первый день работаю и не имею шанса обделаться. Денег надо очень!

– А что за песенку бубнишь?

– Та у нас тут народ такой: если не погром, то все поют или радостно гутарят.

– А про марафет³⁶ что знаешь?

– Господа интересуются или так, побазарить? – нагло ответил официант, протирая поверхность буфета, прожженную окурками.

– Никифор, а малый действительно не промах, – обратился к полковнику тот, что завёл разговор с Йосей.

– Достанешь?

³⁶ Марафет – кокаин (*жарг.*).

– Та легко, – Японец наказал Йосе первым делом втереться в доверие, потом, по возможности, слушать всё и везде, и самое главное – протолкнуть в штаб кокаин. Раз парни гуляют, то чего бы и не попробовать.

– Только там, где эту радость раздают, принимают исключительно деньгами.

– А пулями принимают? – встречный вопрос официанта в тупик не поставил – уличная школа научила его быстро выкручиваться из любой двусмысленной ситуации.

– Та не... У них этого барахла – как у собаки блох. Господа имеют сложности с наличностью? Я буду посмотреть... Неужели, если уважаемые люди, которые банкуют марафетом, прослышат за то, какие уважаемые люди просят заказ, то они не сделают гешефт³⁷?

Официант Аглицкий сновал вверх и вниз до глубокой ночи, ублажая нового коменданта города. Исключением стали только полтора часа, которые он потратил на то, чтобы доставить зелье и доложить Японцу о том, что у Григорьева большой конфликт с ревкомом и ещё – что встреча назначена на завтра.

– Ты, что ли, Япончик? – Григорьев подошел к столу, где, попивая турецкий кофе, сидел гладко выбритый человек с тонкими усиками и нетипичным для этих мест разрезом глаз.

– Михаил Винницкий, моё почтение, – ответил Японец, небрежно поправив светлый шарф.

– Шо хотел атаман бандитов от коменданта Одессы? – Григорьев не так давно прилюдно обещал поставить Японца к стенке, но решил всё-таки его предварительно выслушать.

– Товарищ Григорьев... – Японец говорил медленно, размеренно. Его спокойствие и уверенность подкреплялись несколькими десятками вооруженных сорвиголов, ожидавших на всякий случай сигнала в ближайших внутренних дворах. – У меня есть деловое предложение.

– Говори, – Никифор водрузился на кресло, раскинув в стороны ноги, от чего столик качнулся, и кофе Японца пролился на блюде.

Миша, собрав в кучу все свою силу воли, заставил себя сохранять хладнокровие.

– Я наслышан о вашем благородном порыве души – навести порядок в Одессе. Скажу, вам, Никифор Александрович, я того же мнения об этом вопросе.

– Ты, Мишка, не темни. Шо у вас всё так заумно? Есть предложение, вываливай.

– В Одессе много всяких флагов видали за последние пару лет. И за порядок мне рассказывал каждый новый комендант. Гришин-Алмазов к стенке собирался поставить, теперь вот вы... Я тоже за порядок. У нас тут все в равновесии – все сыты и накормлены, нам потрясений не надо.

– Хм... Ну ты и наглец...

– Та не, Никифор Александрович, я ж со всей душой. При всём уважении – ваших сколько будет? Тыщ шесть, семь?

Григорьев поморщился, впечатленный тем, как чётко Японец угадал количество личного состава находящегося в городе гарнизона. Мишка продолжил:

– Остальные по сёлам в округе. Им добаться – часа четыре на всё про всё. У меня двадцать по свистку будут в центре. На что оно нам надо, тягаться? Пулемет ваш на балконе – это ж не аргумент. Я предлагаю пакт о ненападении.

– Ты забыл про бронепоезд и танки.

– Ой, Никифор Александрович, я вас умоляю! Ну что, этот поезд приедет на Приморский бульвар? Он ездит по рельсам, так мне покойный папа рассказывал. А рельсы что, не ломаются? Или стрелки не заклинивают? Давайте не будем. Я пришел по делу, а не воздух сотрясать. С миром пришел, кстати. И в долгу не останусь. Как марафетик, зашел?

– Ух, ты... Так это ты «уважаемые люди»? – Григорьев удивился так, будто не понимал, что без Японца тут не обошлось.

³⁷ Гешефт – сделка.

– Та я не слушаю, что там на улицах гутарят...

– И как ты видишь наш договор?

– Вот это дело... – Японец поднял руку и Йося молча принес ему новый, дымящийся кофе.

– Разграничим город, и я на своей части гарантирую покой, как в лучшей больнице. Фонтан, Слободка, Молдаванка. Вы их не трогаете. Я не лезу в ваши дела в порту. Центр сами патрулируете.

– На границах посты и паспортный режим.

– А на шо оно вам надо? – искренне удивился Миша.

– А на то! Гарантируешь, что лазутчики не зайдут? – Григорьев рывкнул это так громко, что люди в зале, представлявшие обе стороны, напрялись.

– Ну я даже не знаю... До сих пор, кто хотел от жандармов сплетать, в катакомбы нырлял. В Нерубайском зашел, на Ланжероне вышел. Ну, это как пример. И паспорт с собой не таскали, вы ж понимаете... вы, Никифор Александрович, не ответили... Марафет первоклассный, не находите? У меня проверенные поставщики... Думаю, мы можем себе позволить маленькое исключение и радовать вас иногда отменным качеством.

– Ты думаешь, что за пакетик порошка решишь тут все свои вопросы? – Григорьев побагровел от злости.

– Что вы, Никифор Александрович... Я знал, куда иду. Это же штаб, а не притон... У меня есть для вас интересные бумажечки, – Японец опять поднял руку, и моментально появился Йося. На этот раз с портфелем в руке.

– В этом ярком саквояже всего лишь одна тонкая папочка на тесемочках. Внутри несколько листов на немецком языке. Там же – перевод на русский. Это я позаботился, для вашего удобства.

Полковник Григорьев впервые за всю беседу заинтересовался и внимательно слушал Японца.

– Извольте кинуть взгляд, – Миша извлек из портфеля папку и передал её атаману.

Бегло пробежав взглядом по бумагам, Никифор удовлетворенно хмыкнул:

– Ты готовился к разговору, вижу...

– Та не то слово, как готовился, вы себе даже не представляете, – утвердительно ответил Миша с улыбкой, припоминая расстановку своих бойцов на соседних улицах.

– Это подлинники?

– Это всего лишь переводы, если мы ударим по рукам, у вас будут оригиналы на немецком. Я слышал, у нашего коменданта есть некоторые трения с ревкомом и чекистами? Так что, по рукам?

– По рукам, – Григорьев бросил красноречивый, испепеляющий взгляд на официанта.

Японец поднял руку в третий раз и сказал подошедшему с полотенцем на руке Йосе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.